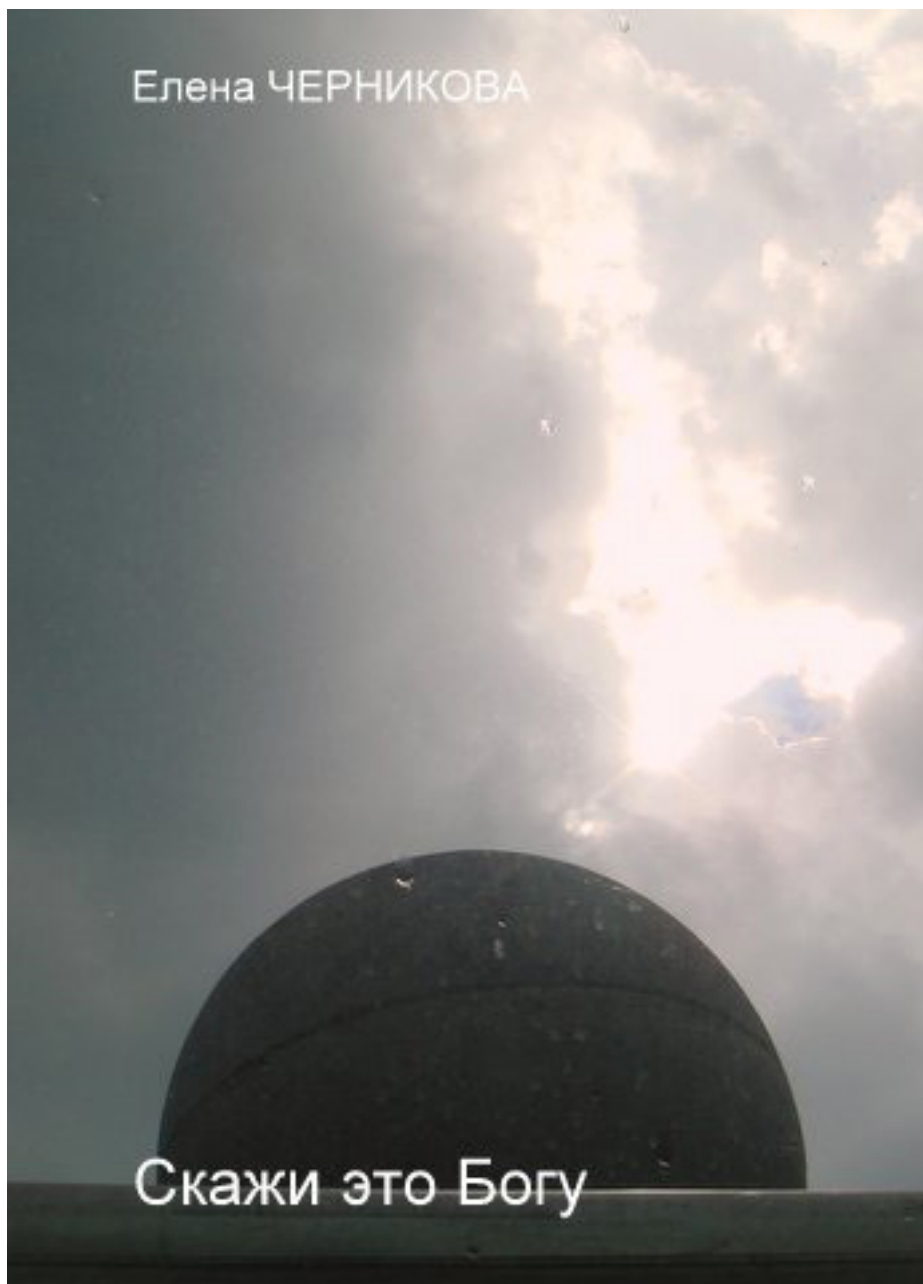

Елена ЧЕРНИКОВА

Скажи это Богу

Елена Вячеславовна Черникова

Скажи это Богу

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6133630*

Аннотация

Целостность мира – через глубоко личное, личностное восприятие...

Осознание себя – через самые неоднозначные, самые интимные моменты бытия...

Любовь – и ненависть.

Смерть – и бессмертие.

Творчество – и Бог.

Проза Е.Черниковой балансирует на грани между реализмом и магическим реализмом. Не потому ли каждый читатель находит в ней что-то для себя?..

Содержание

Пролог	4
Необыкновенный контракт, или Шаманское шампанское	7
Шаг вперед, сто шагов назад	12
Не верю!	14
Интервью последнего любовника	16
О, повелитель, как ты мне надоел!	21
Радость выше счастья	23
О вреде воспоминаний	27
Болевой центр	29
Поймите меня неправильно!	32
Судьбоносная ворона	34
Доктор начинает сердиться	36
Контракт должен быть нарушен	39
Сыр за мышеловку не отвечает	40
Образы	41
Личная тайна профессора	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Черникова

Скажи это Богу

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

Мф., 5: 44

Пролог

В те дни я повстречала на Чистых прудах одного забавного человечка. Подстелив под себя огромную полиэтиленовую скатерть, он сидел на скамейке, укутанный в толстое шерстяное, черно-синими ромбами пальто, похожее на плед.

Я гуляла по аллее вдоль пруда – и вдруг вижу это. Сидит с книгой. Темно-малиновую вязаную шапочку надвинул на брови. Читает быстро-быстро страницы две-три, потом возвращается к началу, достает из кармана маленький круглый предмет с кнопкой – и опять перечитывает прочитанное.

Основную площадь его скатерти, расстеленной на скамейке, занимают большие прозрачные пакеты с книгами, а на меньшей, свободной от литературы, и скукожился этот сосредоточенный читатель в пальто-пледе с желтыми пуговицами. И такой он был милый, уютный, а пейзаж – столь странный, что я не выдержала и пошла с ним знакомиться.

– Добрый день, – говорю, – можно мне тут где-нибудь присесть?

– Да-да, добрый, можно, – торопливо отвечает он, не поднимая глаз, и опять хватается за круглый приборчик с кнопкой. И опять читает прочитанное.

– Как поживаете? – спрашиваю я, пристроившись на окраине литературного поля.

– Еще немного, еще чуть-чуть... – бормочет дяденька.

Ну, думаю, это вряд ли, что еще чуть-чуть. Скорее всего трудная и важная работа у него, раз он весь такой углубленный, кончик носа дергается.

– Вы читали Чехова? – вдруг спрашивает он.

– Читала, – отвечаю я.

– Нравилось?

– И такое бывало, – улыбаюсь я и думаю: посмотрит ли он хоть раз в мою сторону?

– Говорят: гений, гений... – бурчит дяденька недовольно. – А где?

– Что – где? – не понимаю я.

– На какой странице? – И он вдруг резко повернул ко мне свое маленькое безусое лицо с аккуратными морщинками вокруг синих глаз. – Вы кто будете?

– Алина. Гуляю, воздухом дышу.

– Вот вы молодец, детка, что гуляете, а я вот битый час ломаюсь тут и уже дышать не могу. Воздухом... – И он с грустной миной полез в один из пакетов, пошарил и вытянул следующую книгу.

И все сначала. Читает, перечитывает, приборчик с кнопкой, тяжелый вздох.

– А что это у вас? – не на шутку заинтересовалась я. – Что вы делаете?

– Считаю. Это – секундомер. А это – Чехов. Я тридцать раз просчитал «В овраге» и не могу поймать...

– А что вы... ловите? – удивляюсь я.

– Я ловлю момент истины, – грустно пояснил он мне, очевидно, полагая, что я его понимаю.

– Чехов никогда не описывал корриду, – пытаюсь я вернуть его на землю.

– При чем здесь коррида? – Он наконец взгляделся в меня внимательно и будто даже вынырнул из великих глубин, в коих барахтался до моего появления.

– А при том, что «момент истины» переведен с испанского: это когда специально обученный человек попадает острием своего смертоносного оружия в уязвимое место специально обученного быка и последний начинает умирать.

– Да что вы! – Дяденька потрясен. – А почему же все пишут книжки, статьи, делают телепередачи с таким... хм... убийственным названием? Вы замечали – сколько этих *моментов истины* в заголовках?

– Конечно, замечала. Но я не из тех, кто любит писать в *дорогую редакцию*. Образование – дело личное.

– А надо, надо писать! – Он вдруг совсем опечалился. – Писать!.. Это страшное дело.

– Почему же? – Я поняла, что он перескочил на другую тему. Мне стало еще интереснее.

– Вот мне заказали сценарий. Я их по жизни написал тучу. Но тут понадобился такой сценарий, чтобы все близко-близко к современной истории нашего дорогого Отечества, документально и реально, как у Чехова в рассказах о мужиках и бабах, но с элементами триллера, и чтобы все плакали от разных чувств. Понимаете?

– Наверное, понимаю. Но не вижу проблемы. Нормальный заказ. Надеюсь, вы вовремя сдадите текст, – утешаю я его.

– Нет, не понимаете, – вздохнул он. – Вы, наверное, никогда не писали ни прозу, ни драматургию.

Я промолчала и стала что-то искать в своей сумочке, чтобы отвлечь дяденьку от расспросов о моей профессии: в магазинах города активно продавалась моя очередная книга.

Он уже не мог остановиться. Какая-то беда переполняла его сердце и рвалась наружу.

– Я с секундомером, тридцать раз, очень внимательно прочитал гениальный, как сказал мне заказчик, рассказ Антона Павловича «В овраге», от которого я и без секундомера плачу, как обиженный ребенок, и ни разу не поймал момента, где у Чехова начинается драматургическое, каноническое, обязательное в любой завязке *вдруг!*.. Вы понимаете? Чехов пишет без *вдруг!* Или я полный идиот.

Дядечка поехал, поплотнее закутался в пальто-плед и устремил прямо в Чистый пруд загоревшийся взор. Видимо, надеялся остудить его в ближайшей проруби. День был теплый, лед пошел пятнами, похожими на проталины.

– Вы чересчур самокритичны, – встряла я в его мероприятие, опасаясь, что пруд растает раньше срока и выйдет из берегов, кипя и булькая.

– ...даже в «Даме с собачкой», даже в ней, – продолжал он свою невероятную исповедь, – нет никакого *вдруг*, потому что сначала появляется она, а потом он. Вот если бы сначала он, а потом *вдруг* она...

– Они появляются одновременно, в соседних предложениях. А на другой странице, при посредничестве белого шпица, начинается ваше *вдруг*, – попыталась я еще раз.

– Ничего подобного, уважаемая, ничего подобного! – воскликнул он и для достоверности протянул мне одну из книг, разбросанных по скатерти. – Вот, читайте!

Книга послушно раскрылась на «Даме с собачкой».

– Я уже читала, – сказала я, но книгу взяла и полистала. Томик был густо проложен белыми бумажками-закладками с неразборчивыми карандашными пометками.

– Ничего, кроме банального курортного романчика, там не начинается! – кипел дяденька. – И будь в те времена попроще с разводами и общественным мнением, то всю их новоявленную любовь в кратчайшие сроки можно было бы считать новопреставленной. Вот так-то!

– Вы уверены? – серьезно спросила я.

– Конечно. А вы сами, сами-то – что вы знаете о любви на курорте, о любви в семье, о вздохах на скамейке? Что в ней вообще осталось, кроме обычного везде и всегда сопротивления окружающей среды? Вы знаете хоть один сюжет, в котором интрига держалась бы на любви как таковой? – И он опять посмотрел мне в лицо, очень грозно.

– На курортах я пока не любила, в семье – было дело, даже несколько раз. На скамейке – не помню. Ах да, была и скамейка, – честно перечисляла я, не зная, чем успокоить несчастного сценариста, вдруг дошедшего до чудовищного открытия, что бывают гениальные произведения без правил.

– Мы с вами и сейчас – на скамейке, – сказал он и неожиданно улыбнулся.

– И никакого *вдруг*, – согласилась я.

– Опять вы меня не поняли. Да я старая развалина, а вы молодая и красивая, и между нами не может быть никакого *вдруг*, потому что вас явно интересует секс, а мне он не очень нравится как пустая трата времени и сил. Вот и вся любовь! – хихикнул он.

– Вот это да! – Я была потрясена. Он, оказывается, не только воду в пруду взорами кипятил, он, оказывается, успел рассмотреть меня и даже сделать верные выводы.

– Съели? – опять хихикнул он. – Вы небось из Храма топаете?

– Вот это да! – повторила я. – Небось. Топая. Как вы догадались?

– Вот уж бином Ньютона... Явно брючная дама, но сегодня под пальто надета юбка, в сумке головной платочек: правила соблюдаете. Глаза как заплаканные. О! Я знаю, зачем вы туда ходили. – И дяденька поднял руку.

– Очень обяжете, если скажете – зачем, – попросила я.

– Очередную головную боль себе выпрашивали. Уверен. Вы решили, что мужики все кончились, и пошли просить Всевышнего подбросить вам что-нибудь из неприкосновенного запаса, – торжественно объявил он.

– Да-а... – вздохнула я. – Вот как я, оказывается, выгляжу сегодня...

– И не скажите, что я ошибся.

– А я не знаю. Может, вы и правы. Начитались тут Чехова с секундомером. От таких литературно-математических занятий чего только не делается с человеком. – Я поправила юбку, застегнула сумку и встала. – Спасибо, голубчик. От всей души желаю вашему сценарию *вдруг* появиться на свет.

– Берегите голову, – ответил он и привстал, прощаясь.

Необыкновенный контракт, или Шаманское шампанское

Хрусталь хитренько звякнул. Собеседники медленно выпили шампанское.

– Очень хорошее, – сказала дама. – Шаманское!..

– Вы любите каламбуры? – спросил мужчина, поддевая устрицу.

– Нет-нет, не люблю. Любить каламбуры – удел физиков-теоретиков... Отставных полковников. Альпинистов с гитарами. Могут безболезненно острить сколько захотят, – ответила дама, разбирая королевскую креветку.

В ресторане было безлюдно и тихо. Пришел и ушел официант. Время спокойно стояло на месте, не мешая сотрапезникам общаться.

– А я врач, – сказал мужчина, – но тоже не люблю калабуров.

– Это меня очень обнадеживает: значит, договоримся. Давайте сегодня питаться только рыбами и продуктами моря, ладно?

– Прекрасная мысль, – согласился мужчина. – Позвольте представиться полно: профессор, доктор, директор собственной клиники, обеспечен, женат, дети, машина, дача, квартира, книги, переводы, международные симпозиумы – словом, Василий Моисеевич Неведров.

– Я знаю. Очень приятно. Алина N, литературный работник.

– Я тоже знаю. Чудесно. Псевдоним?

– Конечно.

– Да-да, и благозвучный, – подтвердил Василий Моисеевич. – Чуть отдает Востоком, но в меру.

– Вот именно. В меру. На самом деле ничего особенно восточного ни во мне, ни в моем псевдониме нет. Там... а... впрочем, об этом позже. Вы не удивлены моим приглашением?

– Помилуйте, я же врач. Мы не удивляемся, особенно в моем возрасте.

– И я могу начать? «Буря протеста, переходящая в овации, данные нам в ощущениях...»

– Как угодно. Но ваши креветки остынут. Их лучше есть молча. Физический мир – это энергия, реагирующая на наши мысли.

– Вы правы, я неуместно спешу. Приятного аппетита.

– Да-да, приятного аппетита, – отозвался профессор и сосредоточился на своих устрицах.

Официант убрал первые тарелки. Дама сполоснула пальчики в стальной лоханочке с лимоном и сказала:

– Так вот, доктор: я – боюсь. Ведь этот недуг как раз по вашей части?

– В частности, и этот. Только вот ваш цветущий вид не выдает никакой болезненности или испуга.

– Доктор, я совершенно здорова и ничем не напугана. И никем. Дело в другом: я *боюсь*. Мне надо – по контракту – написать книгу. Издательство ждет, переводчики ждут. Я, понимаете ли, известна как сочинитель любовной прозы. Этот товар никогда не выходил и не выйдет из употребления. Но я боюсь...

– ...неужели чистого белого листа? – подхватил доктор с усмешкой. Он прекрасно знал, что почти все писатели прозы давно пересели на компьютер. Привилегию писать рукой, на настоящей бумаге, при свечах, пером и чернилами смогли сохранить за собой только поэты, и то не все.

– Представьте, да. Чистого и белого. Понимаю вашу иронию. Интересно, когда будет суп? – Дама повернулась в сторону зеркального коридора, откуда должен был появиться тихий официант.

– У нас очень большой и сложный суп. Один на двоих. В нем плавают самые разные крокодилы. Так что готовьте место.

– Странно, вы тоже называете морскую продукцию крокодилами. Как и я.

– Это странно? – переспросил доктор с легкой укоризной.

– Ах, простите. Вы же профессор. Так что же вы мне посоветуете?

– А вы возьмите лист, то есть включите компьютер, и начните примерно так: «Они встретились на золотистом пляже ранним утром. У нее были огромные голубые глаза, а у него – крепкая круглая задница...» Можно наоборот.

– Потрясающе, – рассмеялась Алина. – И что дальше?

– Ну... дальше они вошли в ласковую, можно – шелковую, воду моря, реки или озера – в зависимости от их материального положения, – но это вы продумаете отдельно... Только не пишите, что они вошли в океан.

– Интересно почему?

– Это на вас креветки так действуют?

– Да.

– Поясняю: обычно океан от озера отличается силой и буйством. Там не поплаваешь просто так, за здорово живешь. Вы плавали в каком-нибудь океане? Да подождите, плакать будете потом, дома... Продолжим. Они вошли в воду. Дальше два варианта. Первый. Они прекрасные пловцы – оба. За минуту они удалились от берега на чемпионское расстояние. Потом легли отдохнуть на спины. Отдохнули. Потом сами понимаете...

– Каждый сильно удивился, что в воде *это* возможно.

– Правильно! – воодушевился профессор. – А подобное удивление выдает крайнюю молодость наших героев – с точностью до года рождения. Они еще не знают, как *это* прекрасно в воде, значит, вся их любовная истома пока только теоретическая и впереди у них тернистый путь познания друг друга и *этого*. И так далее...

– Немножко Колетт, капелька Саган... А второй вариант? – подбодрила Алина.

– Пожалуйста. Он умеет, а она не умеет плавать. Или наоборот. Под ее ногой вдруг камушек – оступилась, закричала, он спасает ее, далее со всеми остановками.

– Спасибо, доктор, – кивнула Алина с удовлетворением. – К выносу сложного супа готова.

– Официант, суп!

– Вы мне очень помогли. А то было так страшно, так страшно начать...

– Ну ладно. Не нравится в воде, давайте начнем ваш роман на суше. Например... да, спасибо, поставьте, пожалуйста, сюда. – Доктор передвинул свой бокал в сторону.

Официант сказал по-французски: «Наслаждайтесь, мсье!» – и удалился.

– Что он сказал? – удивилась Алина.

– Велел наслаждаться.

– Почему он так сказал? – еще больше удивилась Алина, рассматривая громадную керамическую емкость с огнедышащим бурым варевом.

– Шутка. Он образованный.

– У нас две тарелки?

– Ни одной. Сейчас он быстренько догадается их принести. Это блюдо даже на двоих избыточно, а ведь это – одна порция.

– Как хорошо, что я пригласила вас именно в этот ресторан. Вы очевидный гурман. Ах да, симпозиумы, путешествия. Вы знаете мировые кухни.

– Разумеется. Иначе я был бы плохим врачом и не возглавлял бы собственную клинику, – объяснил профессор.

Официант принес две тарелки и разливную ложку.

– Странный официант, – заметила Алина. – В таком шикарном ресторане – и вдруг такое... хм... синкопированное обслуживание!

– Молодой еще, – пояснил профессор, разливая суп. – Ну прямо как наши, то есть ваши, любовные герои. Может, вам именно такого охламона и вывести? Ну может, не в главные герои, а на вторые роли?

– Ну конечно, – мигом согласилась Алина. – И в капле официанта отразится Вселенная.

– Действительно, а какая разница? Вы говорите, что часто пишете. Вам что, до сих пор не все равно про кого?

– Да в общем-то все равно. Все романы автор пишет про себя. Помните: «Мадам Бовари – это я». Флобер, – уточнила Алина.

– Спасибо за науку. – Профессор сосредоточился на супе.

Литературная дама с удовольствием последовала его положительному примеру.

– Понравилось? – спросил профессор через десять минут, вытирая усы.

– Вы про суп?

– Да с супом все ясно, он гениален. Я про мою консультацию.

– Очень, – горячо согласилась Алина. – Суп бесподобен. Сколько я вам должна? У вас почасовая оплата?

– Это зависит, как говорят англичане. Бывает поресторанная. Бывает пороманная. Покантатная, пооперная, попесенная. Смотря кто обращается за помощью. Ваша приятельница, направившая вас ко мне, платила, так сказать, побалетно. Как получит новую партию в новом спектакле, так и платит. Балерина она способная, получает неплохо... Кстати, у нас еще десерт впереди.

– Я не смогу.

– Сможете. Горячие, обжаренные во фритюре бананы с двумя шариками хрустящего, ледяного сливочного мороженого, – от этого еще никто не мог отказаться.

– И все-таки: как мне расплатиться со знаменитостью?

– Обед оплачиваю, разумеется, я. Так будет естественнее. Роман, придя домой, начинаете сочинять вы. Это менее естественно, но я уже привык, что современные женщины постоянно занимаются не своим делом. Далее: время от времени вы мне звоните, я назначаю встречу в клинике, вы приносите очередную главу или что у вас там получится; я читаю и комментирую ваш труд, назначаю цену – за каждую новую порцию отдельно и вне зависимости от качества труда. Вы возвращаетесь к письменному столу и так далее. И пока ваше творение не обретет приличный вид, вы платите мне гонорар.

– Вы сумасшедший или прохвост? – осведомилась Алина. – Меня даже знаете на какую премию выдвигали?!

– Догадываюсь. Так вот: чтобы в следующий раз не задвинули обратно, вам нужен я. Собственно, вы с самого начала это знали. Деньги у вас есть, я уточнял. Храбрость подрастеряли – это понятно. Все, что вы написали доньше, сбылось, включая гадости и мерзости. Это тоже понятно. Слово сильнее камня. Падает на голову. А вот и бананчики! – Профессор очень обрадовался официанту, поскольку уже утомился играть с дамой в прятки-непонятки.

Сказочный десерт еще на пять минут вывел собеседников за скобки всех искусств, кроме важнейшего, то есть кулинарного.

– Ух ты! – выдохнула Алина, по-детски облизываясь. – Невероятный прилив творческих сил! Как это вам в голову пришло?

– Грубить – в вашем интересном положении – это нормально. Но могу и пояснить: голова – она на то и голова, чтобы ею есть и грубить.

– Доктор, я вам доверяю! – легкомысленно воскликнула дама. – Если уж вы сумели так накормить меня! Крылья режутся!

– Да, осталось захлопать в ладоши и сплясать. Подпишем контракт? – Он открыл саквояжик и достал документ.

Алина прочитала. В бумаге были проставлены все до единого реквизиты, включая точный домашний адрес клиента Алины N, вплоть до этажа и кода в подъезде. Писательница притихла.

– Я, дорогая писательница, очень большой педант, – сообщил ей профессор. – И суюсь в воду, только зная броду.

– Ничего себе! – сказала она. – А как?.. Почему?.. Слов нет.

– Будут, – пообещал профессор. – Подписываете? Заметьте, что мой автограф там уже есть, на обоих экземплярах. И печати, и счет в банке, и – я уважаю закон – пункт об обстоятельствах непреодолимой силы.

Алина внимательно изучила упомянутый профессором пункт: война, революция, стихийное бедствие...

– Но тут нет еще одного обстоятельства! – воскликнула бедная женщина.

– Вы имеете в виду вашу безвременную...

– Вот именно. Мою. И вашу. А контракт считается выполненным только после *окончания* произведения!

– Извольте, мадам, поясню. На белом свете нет ни одного реально *незаконченного* произведения. Как и *безвременной* кончины. Если автор, так сказать, не успел (как пишут невежественные литературоведы, *перо выпало из похолодевших рук*) – значит, больше не мог. Все. Его отключили. Кончилось небесное топливо. Хотите с десятков примеров?

– Нет, – вздрогнула Алина. – В другой раз.

Она взяла протянутую ей ручку с золотым пером и расписалась на обоих экземплярах контракта.

– Спасибо, мадам. И не думайте, пожалуйста, что я мефистофельствую на ваших простодушных костях. *Nil actum credens, dum quid superesset agendum*. Латынь: «Если осталось еще что-нибудь доделать, считай, что ничего не сделано».

– И не думаю... о моих костях, – согласилась Алина. – Я тоже так считаю. Как и ваш Цезарь...

– Я рад, что вы знакомы с древними источниками. Они отменно помогают пониманию современности. Так вот: мотив моего поведения, а также причина процветания моей клиники очень современны. Очень своевременны, если угодно.

– Буду рада... – приготовилась измученная писательница.

– Буду краток. Все – понимаете? – все уже написано. И пером и топором. И если у кого-то где-то еще что-то свербит в одном месте, то остановить этого несчастного можно только силой. Нужно остановить.

– «Я – часть той силы...» – начала было Алина.

– Перестаньте. То было написано во времена культуры. А теперь у нас цивилизация. Культура еще может быть, все еще живы. Но позволить гражданам бесцельно, из пустого тщеславия марать бумагу, холсты, топтать по сцене и так далее – это уже... непозволительно. Я не превышаю своих человеческих полномочий. Не лезу в состав *высшей* администрации. Я просто врач. И обратились вы ко мне совершенно добровольно. А поскольку вы талантливы, – я все ваше читал, – то именно от таких, как вы, может выйти наибольший вред человечеству. Вибрации одной талантливой книги могут осушить болото, остановить взвод солдат, уронить кирпич с крыши, вызвать наводнение и так далее. Но особенно страшны действия так называемых недоделанных великих произведений. Ну тех, которых не бывает в принципе...

– Моя подруга, балетная, говорила, что вы очень симпатичный мужчина, – вдруг сказала Алина.

– Она тоже ничего, – ответил профессор, позвал тихого официанта и попросил счет. – Но запомните: с этого дня, Алина, – как бы ни сложилась жизнь – умирать нам с вами придется вместе.

– Это, видимо, образное выражение, да, доктор?

– Да, больная...

Шаг вперед, сто шагов назад

Алина с удовольствием проснулась и с неприязнью посмотрела на часы. Потом на календарь – с ужасом. Сегодня – день первого визита к профессору. «Господи помилуй, – подумала она, – во что же я влезла? Дописалась, милая, досочинялась. Собираюсь советовать за свои же деньги – с врачом! И о чем? О сохранении меня – в литературе, в здравом уме, в твердой памяти... Впрочем, контракты надо выполнять. Уговор дороже денег... Назвался груздем – полезай... Не в свои сани не садись...» Продолжая брюзжать, она залегла в горячую ванну и закрыла глаза.

«Что бы такое выдумать, чтоб не пойти к нему сегодня?» – вот к каковой нечестной цели устремились ее помыслы.

Отговориться нездоровьем невозможно. Она здорова, и доктор это знает, – вчера беседовали по телефону. Сказать, что не написала ничего путного, – это вообще бессмысленно: в контракте записано, что нести в клинику надо все подряд, что ни напишется. Отказаться от контракта – запрещено контрактом. Плюс жесткий штраф по неотменяемой схеме: у профессора есть доверенность на ее банковский вклад.

«Может, притащить что-нибудь чужое?» – вкралась негодная идея. У Алины издавна хранились кипы рукописей непризнанных гениев, временами советовавшихся с нею – с нею! – по поводу. По тому же поводу.

«Заодно и посмотрим, что скажет великий врачеватель исписавшихся, истанцевавших, испевшихся и прочих...» С хулиганским выражением лица, еле успев вытереться, Алина босиком побежала к шкафу, где хранились пожелтевшие шедевры.

Мгновенно нашлась папка с безжалостным названием: «Возвраты». Первая порция: «...Она любила витой узор из бивней и бус». Нет, это не пойдет. Доктор мигом раскусит подлог, потому что Алина никогда не любила красивые вещи до такой *витой* степени. Штраф.

Следующий автор: «Сашенька вынула замерзшими ручками из кармана шубки морковку...» Ну а это уж был бы первосортный блеф. Суффиксы-то – уменьшительно-ласкательные. А умиление любыми действиями любого ребенка Алина никогда в жизни не описала бы в собственных сочинениях. И это профессор тоже поймет с первого же слова и выпишет штраф.

Так. Кто у нас еще тут завалялся? «Перед зарей в августе тучи заволокли звездное небо...» Ага, конечно. Осталось только воспеть радости грибного дождя, и все дела. Полная близость с родной природой. Оно, конечно, бывает, но не с Алиной, точнее, не сейчас. Штраф.

Перевернув первую папку, она все-таки нашла одно вполне пристойное сочинение про любовь – без суффиксов, детей и немотивированных звезд. Вспомнила имя и лицо автора. Вообще-то очень приличный человек. Богатый, с благотворительными фондами, с хорошим, чистым голосом. Меценат, русский, похож на красивого, доброго медведя. Нет, не подходит. У него не было своего стиля, но была совесть. Правда, он путал Пятикнижие с двуперстием: он очень любил числа, все равно какие, но пользоваться ими умел только в своих коммерческих операциях. А прозу свою писал как в глубоком счастливом обмороке. Отпадает. Штраф.

Алина оделась, выпила кофе и пошла на второй штурм шкафа. Вынырнула громадная рукопись в крепком кустарном переплете, с пожелтевшими листьями. Страница с именем была вырезана неаккуратно, словно автор навек решил избавиться от самого себя: волнистый край обреза измягчился, истрепался – видать, давно это было.

На второй же странице Алина дрожа обнаружила: «Он как никто знал, что в самом себе он умер давно и ничего нового сотворить уже никогда не сможет. Он помнил, что когда-то

написал какую-то книжицу, но о чем она была, он совершенно не мог вспомнить. Иногда он даже начинал думать, что его самого вовсе и не существует, а его просто выдумали люди. Но, спохватившись, он усилием воли заставлял себя верить в свое существование».

Алина поежилась от неприятного совпадения чувств – своих и героя из цитаты. Она ясно увидела этого анонима, вспомнила свои встречи с ним – и вдруг поняла, кто заразил ее бессилием и смертью. Очень давно она не вспоминала этого человека, вытеснив его другими и разными. Но рукопись, мирно валявшаяся в шкафу, оказывается, все эти годы излучала, излучала, излучала.

Об этой жуткой радиации таланта и говорил профессор тогда, в ресторане. Убийственные вибрации гения, переполненного злодейством. Вернуть ему рукопись? Так просто? И тогда что – шкаф, вся квартира, вся душа Алины, наконец, – все это очистится? И вред многолетнего лежания этого текста уйдет? А куда уйдет? Может, данный автор вообще забыл, где хранится его старый роман...

Алина, как выражаются графоманы, *физически* почувствовала яростное, непотускневшее присутствие этого автора – кругом, везде, по всем радиусам ее бытия. «Прочь, собака!» – некрасиво подумала сочинительница. Но было поздно. Она его вспомнила целиком, от ушей до хвостов. Когда-то она его любила до смерти. Точнее, так: любила, но только до смерти. Потом разлюбила. Или?

Она запрятала его рукопись в глубину шкафа. Пусть пока поспит.

Прыгнув за компьютер, она быстренько вытащила коротенький текст из собственного дневника, очень старую запись, подредактировала, подобессмыслила, напустила туману, втиснула пару красотей и облегченно откинулась на спинку своего любимого вертявого рабочего кресла. Начинаем!

– Доктор, здравствуйте! – Вопреки договоренности Алина позвонила Василию Моисеевичу в день визита. – Я...

– Э-э, нет. На воре шапка горит? – усмехнулся доктор.

– Ах, какой умный доктор попался, – с досадой сказала Алина.

– Не выйдет, дорогая. Первый же визит пытаетесь испортить! Нехорошо. Единственное, что я могу вам сегодня разрешить, – это перенос времени. Мы на полдень договорились? Не успели? Давайте в пять. Ладно? Успеете? Успеете. Закройте все ваши архивные шкафы – и за дело. Не в моих же, в конце концов, интересах ваше творчество. Впрочем, в литературе все есть цитата, сами знаете.

– Доктор, к пяти я только и успею что процитировать, – пожаловалась Алина, потрясенная осведомленностью доктора.

– Ничего страшного. Главное, чтоб поприличнее, с чувством. Или, знаете, напишите мне какую-нибудь сексуальную сцену. По памяти, но без документалистики. Вы еще помните что-нибудь из этой области?

– С трудом, – призналась Алина.

– Чудесно. Вот и напишите, почему это вдруг вы – и *с трудом*, – посоветовал профессор.

– Хорошо, уважаемый любитель чудесного, – пообещала Алина и положила трубку.

Не верю!

По дороге в клинику Алина купила шоколадное мороженое, которое терпеть не могла. Тут же пошел мелкий дождь, который она очень любила.

«Тьфу ты, – вздохнула Алина, – и никакой, даже мелкой, гадости не могу сама себе сделать. Всеблагая Природа сразу кидается все уравновесить...»

Прикончив мороженое, она подозвала такси. Машина мгновенно остановилась, а водитель даже не назначил цену. «Продолжается», – констатировала Алина, втайне надеявшаяся, что все такси будут заняты, а все водители глубоко корыстны, и она опоздает в клинику, а еще лучше – заблудится.

Но ровно в пять она вошла в кабинет профессора и положила на стол несколько листов. Доктор, посмотрев на листки с хорошо скрытым омерзением, начал читать.

«Григорий, как и предполагалось, не звонит. Золото, а не мужик. Умрет, но счастлив не будет. Ни за что! Не заставите! Почему мне так везет на одиноких гениев!.. А ведь я могла бы рассказать ему об адриатическом розовом триптихе! Он бы понял!.. Сколько ж можно крошить текст восклицательными знаками...

Триптих. В одном адриатическом саду, рядышком, стоят: бутон на длинной ноге – вот-вот лопнет, переполненный соком и жизнью; рядом роза – просто распущенная, чуть вяловатая роза, но еще вполне, вполне. А по другую сторону бутона, на своих отдельных ногах, покачиваются плоды. Толстые, кругло-приплюснутые, набитые розиными детишками, с милыми темно-зелеными хохолками на макушках. Как гиперболизированные шиповники. И так везде: бутоны, цветы, плоды. Все рядом, все соседствует. Кругорозоворот в местной природе. Красота.

Странен мир моих ассоциаций. Сказала *красоту*, а вспомнила красные трассы за моим темно-синим вечерним окном в октябре 1993 года на Пресне. Почему особо страшные, трагические, умопомрачительные воспоминания суть самые легкие? Может быть, так только у меня? А может, просто разум не в силах задерживаться на огневых точках и со свистом пролетает вроде как по-над минным полем, чтоб не коснуться еще раз? Не знаю.

Да, но и в приятные воспоминания погрузиться – именно погружением, с головой, – я не могу. Там нечего делать. Мужчины... Я не припомню ни одного полового акта, в котором мне хотелось бы поучаствовать еще раз. Меня мои акты не волнуют. Возможно, для такового волнения нужна старость? Настоящая, с сединой, морщинами, суставным хрустом?

Кто знает...

Эти очаровательные итальянские старушки в норковых манто, с низкими голосами, ну те, что отдыхали в январе на Адриатике, – они совсем не походили на *воспоминательниц*. Живые, искрящиеся, под руку, точнее, за руку со своими холеными буржуазными стариками, они были такими настоящими *синьорами*, такими настоявшимися, выдержанными в темных бутылках...

Наши отечественные бабушки на синьор, даже на сударынь, – не тянут. Умирают заживо, кляня скупой пенсионный комитет.

Выходят на митинги, с флагами. Как я устала от невеселых лиц моих соотечественников. И ведь что печально: нет никакой надежды увидеть другие лица окрест. Чтобы увидеть другие, надо покинуть эту окрестность и полетать на самолетах иноземных авиакомпаний...

Да где же этот чертов Григорий! Я не могу больше ждать. Ему одному все можно, а он так редко пользуется этим. То есть мной. Хотя и любит.

От Григория всегда идет волна. Он весь убран широко распахнутыми воронками, из которых хлещет эрос. Касаешься его тела – и все. Любовь пошла. Полетела тонкая энергия по изящной параболе ввысь, на небеса. Такой вот мерзавец, этот гений. Солнышко мое, твою мать...»

– Спасибо, сударыня, – сказал доктор и бесстрастно выписал счет. – Полный бред, осколочные ранения в абсолютно разные места. Но вы явились – все-таки явились, как ни крутились, – строго в назначенный день, поэтому сегодня обойдемся без штрафа. Тем более это действительно ваш собственный текст, а не ворованный из шкафа. И не спрашивайте, откуда я знаю про шкаф!

– Я и не спрашиваю, – отозвалась грустная, пустая Алина: нелегко обмануть врача.

– Отлично. Следующий визит ровно через две недели, но не в пять, а в полдень, как положено. Больше не опаздывайте, я занятой человек. И давайте все-таки поближе к роману. С такой чушью вы не сможете показаться в приличном обществе. От вас отвернутся издатели, переводчики, родные и близкие. И еще раз прошу, требую: никаких подлинных историй, никакой документалистики, никакого прошлого, даже если вспомнится что-то красивое. Розочки на берегах Адриатики – вот максимум так называемой правды. А мужское лицо, чем-то вас обидевшее – ах, не позвонил! – ни в коем случае. Да хоть он вообще бы на Марс улетел. Или женился на антилопе. Что угодно! Забудьте. Поняли? Оштрафую.

Алина взяла счет, кивнула и встала.

Интервью последнего любовника

Omnes vulnerant, ultima necat¹

«Чушь! – обиженно повторяла Алина, топая домой под дождем. – У меня чушь! Сам дурак!»

В кармане затилинькал мобильный.

– Я не *дурак*, – сообщил ей профессор. – Хотя, конечно, *сам*.

Отбой.

Алина выключила мобильный и спрятала в сумку, на самое дно, подальше от ясновыслушавшего профессора.

Дождь перестал быть мелким, укрупнился, охладился, и Алина решила зайти в какое-нибудь маленькое теплое кафе. Она вспомнила, что еще не ела сегодня. Платье уже мокрое, очки залиты водой и не пропускают картины мира. В кафе, скорее!

Заведение оказалось сплошь деревянным: лавки, столы, даже приборы. Уютно, как в избушке. Девушки в цветастых фартуках с орнаментом. «Сейчас принесут балалайку, лапти, матрешку и клюкву», – подумала Алина, усаживаясь в дальнем углу.

Но принесли телекамеры. В избушку тишь кафешки вдруг вбежали шумные операторы в спецжилетах со спецкарманами для запасных аккумуляторов, быстро повставляли шнуры в розетки, выставили съемочный свет и закурили, оглядываясь на входную дверь.

Первой вошла долговая брюнетка с утрированно тонкой талией. Она несла себя скромно-торжественно, покачивала задиком в черных трикотажных брюках и ответственно понимала, как призывно торчат ее моложавые груди под голубой водолазкой.

«Режиссерша? – без интереса прикинула Алина. – Нет. Ассистентша? В любом случае одета и намазана не для кадра: пудры маловато, возраста многовато. Кто же следующий?»

Дверь держали открытой, ожидая кого-то более главного, чем круглоглазая моложавица в натянутом, как на манекене, трикотаже.

В открытую дверь прибором ворвался запах дождя, прохладной вечерней свежести, легкого французского одеколона – и вошел высокий холеный мужчина в классических полуботинках, с полуулыбкой потомственного интеллигента.

Ударил свет, заработали телекамеры. Брюнетка неторопливо убралась в сторонку, всем видом подчеркивая свою неслучайность, села неподалеку от Алины и принялась собственнически озирать арену. Ее глаза вращались, как те полупрозрачные глобусики в заставках Internet Microsoft: то в себя заглянут, то на людей нацелятся – и так непрерывно.

Мужчина весьма царственно поздоровался с репортерами, с метрдотелем, сел в заготовленное кресло, поправил синий галстук в мелкий красный колокольчик, оглянулся на чернявый манекен с интернет-глазами и собрался было что-то сказать в камеру, на пробу звука, но в этот миг какое-то неожиданное впечатление отвлекло его. Он сначала не понял, отвернулся, потом резко повернулся в сторону Алины, взгляделся – и узнал.

Алине показалось, что у мужчины свело шею, поскольку он застыл с неудобно повернутой головой, а с лица осыпалось светское выражение, приготовленное для съемки.

Главный репортер встрепенулся, подскочил:

– Степан Фомич, может, вам воды?

– Да-да, если можно, – прохрипел Степан Фомич и попытался вернуть голове анатомически оправданное положение. Но шея не слушалась.

¹ Все ранят – последний убивает (*лат.*). – Обычная надпись на средневековых башенных часах.

Алина поняла, что срывает съемку, и подозвала одну из девушек в вышитом фартучке.

– Скажите, поблизости есть еще что-нибудь, похожее на ваше кафе?

– Да разве вам у нас плохо? – огорченным шепотом залопотала девушка. – Сейчас отснимут этого... Говорили, что не больше пятнадцати минут. Просто это все нужно какому-то заморскому телевидению – нам так объяснили, – поэтому снимают в нашем, так сказать, русском интерьере. Да вам-то вообще не о чем беспокоиться. Здесь вас и не видно, в углу-то.

– Видно, – сказала Алина. – Ладно, пойду сниму с него паралич, а то в самом деле голодной останусь.

Она медленно встала, медленно подошла к мужчине. Он тоже хотел встать, но мешала петличка микрофона на лацкане, проводок зацепился, и он замер в неуклюжей позе на полдороге.

– Ничего-ничего, Степан Фомич, – утешила Алина, – лучше садитесь обратно, а то проводок оторвется. Он ведь не рассчитан на встречу с привидениями. Здравствуйте.

Мужчина плюхнулся в кресло и с кривой улыбкой сказал:

– З-здравствуйте. Очень рад. Вот – интервью даю. Для канадцев.

– Конечно-конечно, – кивнула Алина. – На каком языке сегодня?

– На обоих, – постукивая зубами, ответил мужчина.

– Прекрасно. Уверена, что вы, как всегда, блеснете на обоих. Желаю успеха. А я тут просто ем, точнее, собираюсь. Не отвлекайтесь, пожалуйста. Я постараюсь не чавкать во время вашей канадской съемки. Счастливо.

Возвращаясь в свой угол, Алина заметила, что у трикотажной брюнетки тоже что-то случилось с анатомией, в частности, куда-то поползли дрессированные груди. Будто захотели спрятаться. Дама, несомненно, все видела и слышала, но как вести себя – решить не успела. Глобусы вдруг остановились Африками к авансцене.

Озадаченные операторы только сейчас заметили, что не выключили камеры и весь сюжет отснят с двух точек и со звуком. Режиссер взглянул на часы и крикнул: «Начинаем!» На перематку времени не оставалось. Журналист-интервьюер схватил микрофон и забарабанил по-английски что-то про положение либералов в России и в мире.

Степан Фомич, которому по-английски всегда было легче врать, чем по-русски, с готовностью и даже счастьем ухватился за тему – и понеслось. Дама с непослушными сиськами чуть успокоилась и дерзко взглянула в угол, где Алина уже вовсю уплетала борщ. Не встретив никакой реакции, дама постаралась вернуть себе первоначальный скромный вид – с аппликацией тотального торжества на торцах и фасаде, – но глаза так и остались слишком круглыми. Интернетик завис.

Интервьюер перешел на французский. В ответ гость программы ворвался во вторую тему, как нож в теплое масло. Он почти пел, рокоча о свободах и равенствах, и владение частной собственностью, воспеваемой им в избушечном кафе, казалось единственно важной функцией любого организма – вплоть до кошачьего, собачьего и муравьиного. Залогом успеха.

Алина перешла к блинам. Заявленные пятнадцать минут давно вышли, и она с озорством подумала, что уже можно бы и чавкнуть. Но воздержалась.

– Что будете пить? – повторила вопрос официантка.

Алина встrepенулась, извинилась и попросила медовухи. Девушка убежала, стараясь не запутаться в проводах.

Дама с глазами тормознула официантку и потребовала мартини.

– У нас такого не бывает, – огорченно сказала девушка в русском фартучке. – Вот через дорогу – европейская кухня, там все-все такое...

– Вот и сбегайте через дорогу, – порекомендовала ей дама, устанавливая груди на места.

– Нам туда нельзя, – жалобно объяснила девушка, – понимаете, никак нельзя. Не наш профиль.

– А мешать ответственным съемкам – можно? – прошипела дама.

– А... съемки уже закончились... – Вконец расстроенная девушка махнула рукой в сторону группы, уже сворачивавшей технику.

Дама величественно перестала замечать бедную девушку, поднялась и пошла к проинтервьюированному мужчине, с которого уже снимали петличку с микрофоном.

– Превосходно, дорогой, – с чувством заявила она. – Только, по-моему, слишком уж здесь а-ля рюс. Лапти расписные, понимаешь ли.

Вспотевший до костного мозга «дорогой» пробормотал что-то про волю заказчика, быстро попрощался с журналистами, схватил даму под локоть и вылетел из кафе не оглядываясь.

Алина усмехнулась, выпила медовуху, расплатилась и пошла домой. Дождь уже закончился. Вечер установился тихий, приятно-сырой. В такую погоду Алине всегда хорошо работалось. Раньше.

Ровно через две недели.

– Доброе утро, профессор. Сегодня я не опоздаю ни на секунду.

– Ну-ну, – равнодушно обронил он и положил трубку.

В полдень Алина, великолепная в новом зеленом костюме, плюхнулась в глубокое кресло между профессорским столом и камином.

– Читайте. Разминка удалась! – объявила она.

– Ну-ну, – повторил Василий Моисеевич. – Костюмчик действительно удачный. Шерсть хорошая, крой английский классический. Вам некуда деньги девать?

– Некуда, – кивнула Алина. – Работать будете?

Доктор с легкой неприязнью посмотрел на свежепринесенные бумаги, полистал, вздохнул и начал читать.

«Вот, собственно, и началось – с интервью. Вам, дорогой читатель, предстоит долгое путешествие с приключениями – и все из-за этого интервью. Хотите?

Я – нет, и не хочу, и боюсь. Но если я не пройду этот путь, я погибну. Навязчивая идея какого-то там счастья – детский лепет по сравнению с ядовитым морским ежом любовного бреда, застрявшим в мозгу. Значит, надо идти – назад? вперед? – и вытаскивать ежа.

Недавно в кафе я случайно встретила Степана Фомича. Он вещал что-то умное перед канадскими телевизионщиками. Его английский все так же блистателен. Его французский завораживает. Профессионализм не спрячешь. Одет был как всегда элегантно, подстрижен аккуратно. Ото всего облика по-прежнему веет неброским богатством, исполненным врожденного вкуса.

Общую картину *настоящей* роскоши слегка портила самоуверенная дама с чрезвычайно круглыми глазами навыкате. Нервная, ревнивая и на удивление нескладная, как и любая высокомерная женщина.

Я подумала: «Отчего такой контраст? Почему сей блистательный господин покупает второй сорт третьей свежести? Ведь я давно знаю его. Он никогда не брал дешевой колбасы, тухлого пива, мягких огурцов... В любое время суток, при любой погоде он готов был идти искать наилучшее – что бы ни потребовалось ему в ту секунду. Что случилось?»

Нам не удалось поговорить в кафе. Только поздороваться и попрощаться. Но как мне хотелось влезть в его канадское интервью, отобрать у журналиста микрофон и на глубоко русском языке задать выступающему единственный вопрос: «Какого х...?»

Несколько лет назад я называла его своим повелителем... Боже мой! И устно, и письменно, и прилюдно, и наедине. Было даже весело – ловить на себе недоуменные взгляды окружающих, странно реагировавших на мой несовременный стиль любви. Особенно тех окружающих, кто знал меня до него.

Я не только называла его повелителем. Я так жила. Я так чувствовала.

Был у нас, например, такой сюжет. Называется «Карфаген».

(Окончание в Приложении 1)

Доктор не стал дочитывать, кашлянул и поднял глаза на Алину, чуть задремавшую в кресле у камина.

– Вы зря так обрадовались, голубушка, – сообщил доктор. – Что тут, собственно, произошло? Вы встретили на улице, то есть в кафе, мужчину, которого когда-то любили. У него, видите ли, другая женщина. Она вам не понравилась. Вы ударились в волнующие воспоминания. Это все что – сюжет? Пойдите переслушайте танго:

Нахлынули воспоминанья, Воскресли чары прежних дней, И пламя прежнего желанья... —

и так далее. Уж куда яснее, элегантнее, короче и приятнее. Ваш текст неплохо скроен, но неладно сшит. А уж материальчик вообще из рук вон. Все изделие расплывется вмиг. Одноразовый костюмчик. Знаете, где и для кого продают одноразовые костюмы?

– Где? – машинально переспросила Алина, открывая глаза.

– В магазине ритуальных принадлежностей. Когда родственникам жаль хоронить усопшего в настоящем костюме, ему покупают дешевый одноразовый. Аналогия понятна? – строго уточнил доктор.

– Василий Моисеевич... – начала Алина с неожиданной хитрецой в голосе, – а вы любили когда-нибудь?

– Цитатоград, или град цитат, разошелся не на шутку, – голосом диктора, вещающего про бедствие, подхватил профессор, – побиты всходы, урожай под угрозой полного... неурожая!

– То есть вы считаете, что нечего тревожить усопшего и пусть земля ему будет...

– ...могилой. Просто могилой. С пухом. Бархатом. Знаете, что могила матери Л.И. Брежнева была выстлана алым панбархатом?

– Не знаю. А вы откуда знаете? – полюбопытствовала Алина.

– Очевидец рассказывал.

– А где он теперь?

– Примерно там же, где и вышеупомянутая мать, – вздохнул доктор.

– Аналогия понятна? – неожиданно перехватила инициативу Алина.

– О! Вы только посмотрите на нее! – восхитился профессор. – Барахтается. Ну-ну. Вот вам счет...

Алина с радостью выскочила из кресла, расписалась и только было протянула руку забрать свежееобсужденную рукопись, как вдруг он – цап ее запястье!

– Я оставляю этот человеческий документ у себя. Чтоб вам неповадно было продолжать эту тему, – отчеканил врач.

Алина, грудь колесом, – напомнила, что пишет на компьютере. И нет смысла...

– Есть-есть. Придете домой – начинайте разрушать свой Карфаген. Сначала сотрите из компьютера. Вообще выбросьте этот файл. Откройте другой – и все сначала. А во-он в том сейфе я буду хранить ваши глупости, чтоб потом, когда поумнеете, продать вам.

– Так. И это продать? Два раза одно и то же, получается? – Алина уже почти перестала удивляться рваческим выходкам профессора.

– Два раза. А может, и до трех дойдет, если будете упорствовать. Вы подписали со мной нерасторжимый контракт. И если вы будете упорствовать в своем соплиментализме, я вас просто разорю, – уверенно пообещал профессор. – Выбросьте этого мужика из головы, из творчества, из компьютера, не ходите по его улицам и не здоровайтесь в кафе. Ясно?

– А про какого-нибудь другого, интересно, можно вспоминать – хотя бы по великим праздникам? – попыталась Алина.

– Нет. О мужиках – нельзя. О душе, о душе подумайте... Идите. Жду вас через две недели в полдень. – Он встал и кивнул на дверь.

О, повелитель, как ты мне надоел!

*...Видно, так, генерал: чужой промахнется,
а уж свой в своего всегда попадет.*

Из стихотворения Булата Окуджавы

«Хам! Рвач! Сноб!» – В дороге Алина с яростью костерила профессора.

Дома она первым делом подбежала к компьютеру и перевела приговоренный файл на дискету. Потом на еще одну.

Настенные часы тысяча восемьсот восемьдесят пятого года рождения прошуршали *три*. У этого красивого антикварного изделия была пронзительная способность улавливать настроение хозяйки. Иногда часы громко били, иногда хрипели, порой шептали. Сегодня им хотелось спрятаться от людей вообще и от Алины в частности. Часы чувствовали недомогание памяти.

У хороших старинных часов память непереполняемая. В отличие от компьютерной.

Они все хранят, и подчас им очень тяжело. Сегодня часы уловили протест, внутреннюю борьбу и смятение. Алина поняла, что часы все знали о ее разговоре с профессором еще до того, как она вошла в квартиру. И привычная к их пронизательности, она помахала рукой стрелкам: «Привет, бродяги!»

Алина сняла зеленый костюм – единственное, что понравилось профессору сегодня, – и запрятала его в недра гардероба.

Побродила по притихшей, затаившейся квартире и вернулась к письменному столу. Пусто. В голове так пусто, в душе так страшно. Ничего не получается. Крокодил не ловится, не растет кокос...

И когда зазвонил телефон, Алина, уверенная, что это опять лезет со своим ясновидением профессор Неведров, устало и тускло ответила:

– Ну что еще?..

– Привет-привет, – весело промурлыкал голос Степана Фомича. – Мур-мяу.

– Привет, – подправила голос Алина. – Как дела?

– Отлично. А у тебя? Чем занимаешься?

– Сажу за компьютером и пишу роман века.

– Как обычно, – удовлетворенно заметил бывший повелитель. – О чем на сей раз?

– Как обычно, – подтвердила Алина.

– Значит, про меня, – сказал Степан Фомич. – Кстати, ты хорошо выглядишь, как я успел заметить в кафе.

– Как обычно, – согласилась Алина. – Ты тоже.

– Ну что ж, я рад. Желаю творческих успехов.

– Спасибо. Счастливо.

– Пока, – чирикнул Степан Фомич.

Трубки повесили одновременно.

«По завершении великой стройки все ударники получили ордена, медали, протезы и другие награды...» – сказала Алина компьютеру и начала ворошить все файлы подряд – в туманной надежде, что она хоть что-нибудь где-нибудь забыла и что есть хотя бы одна строчка, ни сном ни звуком не соединенная со светлым образом негодяя Фомича.

Теперь она не боялась мысленно бранить его негодяем, мерзавцем, скотиной и так далее, поскольку поняла, что лично ему от этого ни холодно ни жарко. Хотя – кто его знает! – ведь позвонил. Ведь вострепнулся же! А сколько лет прошло...

Значит, тоже помнит – и не только тунисских кошек, а и московские зимы, особенно те мглистые февральские ночи, когда впереди не стало света.

Радость выше счастья

*...где-то в небе ночном
ждет вопроса ответ.*

Из песни Александра Цароцевца

*...где-то на окраине души
Нарыв разлук взрезают
Божьи ножницы:
«Пиши, пиши...»*

Из стихотворения Любови Воропаевой

С тех пор как сочинять книги ей стало очень трудно, Алина почему-то каждое утро просыпалась под какую-нибудь песню, прилетавшую самостоятельно, без спросу.

Сегодня с изумлением Алина прослушала: «...туфли надень-ка. Как тебе не стыдно спать! Славная, милая, смешная *енька* Нас приглашает танцевать!»

Народы СССР несколько лет сходили с ума от летки-енки в прошлом веке, в начале 60-х. Первый раз в жизни Алина танцевала этот домашний канкан на дне рождения своей тетушки. Алине тогда было года четыре. Она давно уже умела читать и писать, но в названии этого танца она слегка терялась: «летка-енка» – говорили все. Но «летка-енька» – пели все, что было ближе к рифме *надень-ка*.

Радуюсь, что проснулась под пружинистый ритм старинной песенки, Алина весело помахала ногами, прыгнула на пол и, пританцовывая в такт мелодии, побежала в ванную. И задумалась.

Все-таки: откуда слетело такое ретро? И кстати, с кем бы поболтать о наличии либо отсутствии мягкого знака в разговорном названии песенки – в разрезе историко-литературной правды?

«Да с кем, с кем, – услужливо подколола Алину память. – Сама знаешь, что только с ненаглядным Степаном Фомичом, с помощью его энциклопедических мозгов можно без разбега обсудить любые знаки – как мягкие, так и твердые, причем в разных европейских языках».

«Понятно, – загрустила Алина, наполняя ванну водой с пеной. – И сюда уже пролез, на командный пункт...»

Она вспомнила, что второй раз в жизни она танцевала летку-енку именно с ним. Как-то вечером, испив чайку, они с Фомичом включили радио, а там – батюшки! – такая историческая музыка! И стали плясать вдвоем, прямо в тапках, а не в туфлях, а в тапках это неудобно и смешно, мигом с ног улетают – ищи потом по всей комнате. Было очень-очень весело.

Лежа по утрам в ванне, Алина обычно обдумывала новый день. Сегодня она решила встретиться со своей подругой-балериной, порекомендовавшей ей, несчастной сочинительнице любовных романов, профессора Неведрова. Она вовсе не хотела корить подругу за это занозистое знакомство. Она просто хотела поболтать с хорошим человеком. Бесплатно.

Подругу, как и многих хороших русских балерин, звали Анна. Увидеться с нею было трудно: гастролы шли почти безостановочно. Но в этот день Алине повезло: Анна на целую неделю вернулась в Москву, чтобы выйти замуж и переехать в новую квартиру.

Из шалости или из «в одну воронку дважды не попадает» Алина пригласила Анну в то самое кафе а-ля рюс, где борщ и вышитые фартуки.

Пришли, сели.

– О ужас! – воскликнула балерина, изучив меню. – Да мне тут почти ничего нельзя!

– Подумай о запеченной рыбе.

– В кляре???

– Ах да. Тесто.

Подошла девушка – та же самая, что в день интервью. Узнав Алину, она приветливо напомнила:

– А вы хотели уйти тогда! Вот видите – понравилось же!

– Понравилось – не то слово. А можно без меню? Просто отварить большую рыбу, без соли и без гарнира. Две порции.

Ничуть не удивившись, девушка сказала, что можно, и через десять минут принесла блюдо с дымящимся двухкилограммовым сомом на укропном коврике.

– Изумительно! – зааплодировали восхищенные эстетки.

Сом начал стремительно таять.

– Какое чудесное место! – приговаривала Анна.

– В этом чудесном месте... – И Алина рассказала подруге все, что случилось в этом и других чудесных местах за последние недели. – Только не подумай, что я в претензии к профессору. Мне так трудно избавиться от... – Она подыскивала верное слово.

– От себя? от Степана Фомича? от русского языка и литературы? – наконец заговорила Анна. – А знаешь, ты сейчас похожа на ту сороконожку, которая задумалась, что делает ее пятнадцатая нога, когда вторая сгибается в коленке. Но до профессора тебе было еще хуже, я помню.

– Сначала сороконожка остановилась. Это мне еще в детском саду рассказывали. Интересно, чем у сороконожки дело кончилось?

– Либо она перестала думать и продолжила путь, либо на нее наступили, – предположила Анна.

– Да, ты права. Ты, случайно, не знаешь, как перестать думать? Ты думаешь, когда танцуешь?

– Нет, теперь не думаю. Профессор отучил раз и навсегда. У него, конечно, своеобразные методы, но очень помогает. Помнишь, я два года подряд ломала ноги? С моей профессией на такие вещи надо реагировать своевременно. С первой ноги я не поняла. Со второй только и начала что-то как-то...

– У меня уже все сломано, – сказала Алина, и перед ее глазами опять понеслись вспышки кадров, режущих до слез: прохладная январская ночь в Африке, морская бирюза и бронза, карфагенское утро, вековые мраморы и нежная любовь сутками напролет. Зачем это было?

– Эй!.. – окликнула ее Анна, расслышав приостановку дыхания. – Радость лучше счастья. Почитай Писание...

– Я все время где-то не здесь. Я не могу вернуться в настоящее, – выдохнула Алина. – Сначала я нашла его рукопись, потом все вспомнилось, потом это кафе, а затем он сам позвонил – будто с проверкой, что я еще жива и думаю только о нем...

Анна крестообразно положила вилку на нож.

– Видишь, тоже парочка. – Она кивнула на приборный *икс*. – Сыграли свою роль: помогли мне пообедать. И ни один не заплачет, если в следующий раз они попадут на разные столы. Извини, это я размечталась: были бы мы тоже из нержавеющей стали!.. Встретились, выполнили задачу и – по разным столам.

– Я считала, что мне уже удалось и уже не ржавею. Но когда мне заказали новую книгу, я оказалась самым беспомощным сочинителем на свете, потому что моя душа не возвращается. А доктор наш велит написать ему сексуальную сцену! И выбросить Степана Фомича отовсюду, – очень грустно сказала Алина.

– А почему ты не можешь этого сделать – на самом деле, а? – резко спросила Анна. – Прошли годы. Годы! Напиши книгу о Боге, который оставил тебя в живых. В отличие от возлюбленного, который тебя прибил...

– Не кощунствуй... Слушай, Анна! Давай обхитрим и профессора, и время, и литературу, – предложила Алина воодушевленно. – Давай я буду писать две книги: одну для профессора, а другую для тебя. Ведь у тебя все хорошо, ты защищена, тебе не повредит, если тебе я напишу полный заправдашный отчет. А профессору – его любимые недокументальные сексуальные сцены в необозримых количествах. Давай, а? Только чтобы ты действительно прочитала, ладно?

Анна задумалась и потерла нос – у нее это очень смешно получалось: быстро-быстро, как мышка умывается.

– А господин доктор не рассекретит нас?

– В моем контракте с господином доктором нет ни одного слова, запрещающего мне писать, скажем, дневник – одновременно с той книгой, которую он курирует, – подсказала Алина. – Ведь он не запрещал тебе работать в разных театрах!

– Не запрещал, но я и не смогла бы. Во-первых, он ходил на все мои премьеры. Во-вторых, читал всю прессу обо мне. Он контролировал каждый мой шорох, пока не убедился, что я действительно изменилась и поняла, за что мне ломали ноги. Он вообще каким-то чудесным способом знал все про каждое мое движение.

– Действительно, сыграть два спектакля в один и тот же вечер в одно и то же время ты не смогла бы, – задумчиво сказала Алина. – Но у меня другая специфика. Да, мне проще работать утром, часов с девяти. Заряда хватает часов на шесть. Потом мой занавес – где-то в голове – опускается, и его не поднять никакими молитвами. Но ведь если попробовать распределить время по-умному... – фантазировала Алина.

– Детка, у меня одна сцена на один вечер. У тебя одна голова на одно утро. Есть что-то общее, есть что-то разное. Не будем сравнивать. Но если ты считаешь, что книга *для меня*, пусть и дневниковая, может быть написана в принципе, почему бы тебе именно ее и не написать для всеобщего обозрения. И никакого профессора! – Анна взмахнула руками, как крыльями. Что-то неуверенное, даже фальшивое, очень фальшивое, было в этом изящном жесте знаменитой балерины.

– Потому что у меня с ним, – ответила Алина подруге, – нерасторжимый контракт. Юридический документ огромной вымогательной силы. Я даже умереть не могу. И с ним я познакомилась по *твоей* рекомендации. И в его тирании есть свой смысл. И я верю, что он прекрасный знаток своего дела, корректирующего наши дела. Он сказал немало здравых вещей. И я хочу сделать то, что он приказывает! Ведь я вправду безумно боюсь сочинять. Но хочу. Надо. Его измывательства хоть как-то заставляют меня шевелиться.

– Ух разгорелась! – Анна расслабилась, увидев внезапный яростный свет в глазах Алины. – Пиши. Прочту. И все-таки интересно: почему все зашло так далеко?..

Пришла девушка в вышитом фартуке и убрала со стола, одобрительно осмотрев сомий скелет.

– Потому что я не люблю, когда меня убивают, – сказала Алина.

– Ты опять про сердечную разруху? – застонала Анна.

– Нет. Я про уголовное преступление.

– Какое? – чрезвычайно удивилась хрупкая, тонкая, внезапно куда-то улетевшая балерина. – Ведь милиция не нашла никого!

– А вот об этом я тебе и напишу, – решила Алина. – Про то, как меня пытался уничтожить один хороший человек, известный тебе хорошо, но, если разобраться, лишь понаслышке. Тот, который был когда-то повелителем...

– Алинушка, но ведь это не твое амплуа. Ты не детективщица. Ты у нас, как раньше изъяснялись, *инженер человеческих душ*. И *туш*. Тебе чужды обиды, претензии, ты ведь не дура малолетняя. И любовь еще *быть может*...

– Не может.

– Люби Всевышнего. Я же сказала: ты уцелела. Ведь это кому-то было нужно... наверное. Что ж ты все время путаешь грешное с праведным! В чем проблема-то?

– Ну, уж никак не в муках творчества. И не в дефиците фантазии. Наверное, две ответственности подогревают одна другую: моя перед Богом, моя же – перед собой. Я знаю, что *там* слышат каждое слово, особенно письменное. Исполняются все желания. Воплощаются все сюжеты. А уж в такие времена, как наши, между тысячелетиями, вообще порочно думать, что ты – творческая единица... Профессор понимает, что страх мой – настоящий страх Божий. И деваться мне некуда. А все-таки так хочется иногда схалтурить и написать что-нибудь разудалое, в моем прежнем стиле, прикинувшись ветошью, дескать, так уж написалось... Но – к профессору определила меня именно ты. Это ведь тоже нужно было кому-то. Наверное!

– Ладно. Извини. Делай как знаешь... Ты ко мне на свадьбу придешь?

– Не издевайся... – вздохнула Алина.

– Ну, как знаешь...

Вечером на подступах к своему подъезду она встретила громадного черного кота и только собралась вежливо сказать *кис-кис*, как увидела тощую рыжеватую крысу. Кот ползком приближался к крысе. Животные мрачно осмотрели друг друга. Внезапно крыса, приняв решение, подпрыгнула вертикально, и кот пустился в позорное бегство. Крыса – за ним. Когда твари скрылись за штакетником, Алина огорчилась: «Как выродилось человечество!»

На лужайке перед соседним домом жило стадо котов. Они спали на траве днем, вопили по ночам, прекрасно питались подаянием, размножались, обнимались, облизывались и абсолютно не реагировали на громадных вороватых ворон, регулярно заглядывавших на кошачье лежбище за очередной сосиской. Это пушистое скопище до того разленилось, что, казалось, приди к ним стайка мышек сама, на блюдечке с каемочкой, они только чуть приоткроют томные глаза – в удивлении: что за странный десерт пожаловал?

В сторону лужайки и рванул трусливый черный котище, с которым не успела поздороваться Алина. Очевидно, надеялся спастись от крысы у *своих*.

«Как грустно, – думала Алина в лифте, – что московские коты теперь не ловят мышей! Как это печально...»

О вреде воспоминаний

С утра – прогулка и раздумья.

«А вот надо ли ей знать об этом? – с тревогой рассуждала Алина, топая по черному асфальту и золотым листьям. – Девушка счастлива, порхает по сценам мира, завтра выйдет замуж, переедет в новый дом, а тут вдруг я – ба-бах! ей по нервам своим несвежим детективом, в котором – тем более – ничего пока и не доказано...»

Погода была свежая, прохладная и очень солнечная. Эта круглая, блестящая осень московских переулков вдруг точно попала в лузу весны австрийских виноградников, где Алина и Степан Фомич гуляли в некоем марте ныне удаленного доступа. Такая же свежесть под таким же солнцем. Партия.

Ах, стереть бы все файлы...

«Почему из меня так часто выпрыгивают компьютерные термины? – негодовала Алина. – Я что – пытаюсь не только *написать переводимую книгу*, но и *думать переводимые мысли*? Я не сошла с ума? Можно подумать, что моя книга нужна читателям, а не мне лично...»

Ну кому из гуманитариев будет понятно, что такое императорский дворец удаленного доступа, слоны венского зоопарка удаленного доступа, белые тирольские волки удаленного доступа, неистовый фён удаленного доступа?.. И так далее. То ли удалено с аккуратцей так, чтобы поиметь ко всему этому доступ позже, – то ли сам доступ удален в принципе и навсегда? Кто больше?

А кому из технарей, точно знающих, что такое удаленный доступ, будет интересно знать, как величаво хлопают ушами те же слоны в венском зоопарке, когда принимают ежеутренний душ в индивидуальных кабинках? Или – какой большой и какой настоящий, полосатый (в самом деле!) тигр живет неподалеку от слонов за стеклянной стеной! Не за глупой повсеместной решеткой, дробящей зрение посетителей на много частей тигра, а за высоким стеклом – *целый* тигр ходит по своей квартире с открытым небом и трется нежным боком о стекло, пропускающее ко зрению собравшихся все его мельчайшие детали до усов и лап. Ты подходишь к стеклу и – если хочешь – можешь потереться плечом об это же стекло с другой стороны. Если можешь. Потому что между тобой и громадной полосатой кисой – только стекло... И как сказал тогда Степан Фомич: «Ну у тебя и нервы!» В смысле, железные.

Алина почувствовала себя тигром, заигрывающим с доверчивой, нежной Анной через подтреснувшее стекло. Только Анна думает, что оно – целое, в порядке. А Алина знает, что в стекле трещины, пока невидимые миру. И если пустить давление, стена развалится и тигр ненужного знания порвет хрупкую Анну, которая сейчас по наивности полагает, что можно прочитать что угодно и мир ее счастья уцелеет в любом случае.

«Это не по-дружески, – оценила Алина свое намерение написать всю правду именно Анне. – А даже по-свински. Она же выпрыгнула из своей ямы. Ей удалось понять и преодолеть свои поломанные ноги. Доктор Неведров помог ей, поскольку она не сопротивлялась его методам. Она даже нашла приемлемого для замужества дядьку и хочет с ним жить. К ней сейчас как ни к кому приложимо твердое правило западного успеха: никогда не общайтесь с теми, у кого проблем больше, чем у вас. А у меня как раз больше проблем, чем у нее... Нельзя портить ей жизнь».

Как говорится, и тут зазвонил телефон – в кармане у Алины.

– Значит, договорились, я жду текст, – звонким, совсем новым голосом напомнила ей Анна. – Не теряйся. Начинай! Ладно?

– Ладно... – как уж могла бодро ответила Алина, в который раз поразившись телепатичности своего мобильного телефона. У него сие свойство обычно расцветало именно на

улице. Помните, профессор звонил ей с сообщением, что он не дурак? Вот таких же случаев стало – тьма.

Но откуда Анна узнала ее мысли?

Алина пришла домой, включила компьютер и создала новый файл. Сначала назвала его «Анна». Потом, подумав о безысходной категоричности именительного падежа, переименовала: «Анне». Опять не то. Ей, Анне, это все как инъекция чужой боли. Именно укол, но не прививка. Напишем: «Для Анны». Нет, опять слишком близко к телу.

О! Кажется, есть нейтральный вариант: «Показать Анне». Ну не совсем нейтральный, но вариант... с вариантами.

Вот и ладушки. Вот тут будем отписываться по полной. А там – профессору – про путевку в новую жизнь.

Алина вдруг подумала, что в эту минуту профессор должен точно чувствовать, что его собираются слегка надуть. Он же уловил, как она трепала архивный шкаф, выискивая какую-нибудь фальшивку для первой встречи с великим ученым!

Но почему-то никто не позвонил. Ни городской, ни мобильный телефоны не издали ни звука. Может, доктор отвлекся на других клиентов? Это с ним бывает? Интересно.

Теперь – график. Есть два файла. Две руки. Одна голова. Хорошо работается по утрам. Значит, начинаем с профессорского файла, потом переходим к «Показать Анне». Первое, второе... А на десерт что? – вдруг развеселилась многомудрая сочинительница. Чем закусывать? Опять, что ли, живой жизнью? Можно опять поперхнуться – и не выйти утром к первому.

«А не пойти ли мне погулять? – трезво рассудила Алина. – Всюду жизнь. А я? Где я-то?»

Болевой центр

Убежденная жительница московского центра, Алина любила гулять по нему в общегородские выходные дни, когда центр пустел: основной народ отбывал в спальные районы, и ходить по улицам было просторно.

Сегодня суббота. Алина долгие годы любила субботу неосознанно, пока не заглянула в вековой календарь. Тут и выяснилось, что день ее появления на свет был именно суббота. Те же долгие годы Алина ничего не имела против собственного дня рождения, то есть никогда не всхлипывала – *мамочка, роди меня обратно*. Суббота – гулять!

Одевшись потеплее, она выбежала на свою ненаглядную Пресню и пошла в сторону Садового кольца. Стоя перед труднопреодолимым наземным переходом, вечно державшим светофорную паузу минут по десять, а то и двадцать, она сто раз передумала – куда же дальше? Двинуть по Малой Никитской – пройдешь мимо бывшего собственного дома на правой стороне. Или мимо бывшей работы – на левой стороне. Пойдешь по Большой Никитской – вот тебе и Дом литераторов, где все свои, но общаться не хочется, нельзя, больно. А еще чуть ниже – вот тебе будет особнячок, где продолжает доблестно трудиться блистательный Степан Фомич и который уж точно не надо видеть сегодня. Пойти по Поварской – можно случаем соскользнуть на Новый Арбат и уткнуться носом либо в Дом книги, где все еще торгуют прежними трудами Алины, либо в надпись: «Новоарбатский» – в гастром, где Алина и Степан Фомич в свое время купили несколько тонн продуктов питания и выпивания, что было всегда празднично, игриво и шикарно. Такая уж была их совместная жизнь в целом.

Как же попасть на Тверской бульвар, минуя мучительные маршруты и не делая крюк в полгорода?

– Вам куда?

В нарушение правил у перехода остановилась белая машина, и дверь распахнулась.

Алина обрадовалась, впрыгнула и чуть не выпала обратно: за рулем сидел бывший личный водитель Степана Фомича.

– Здравствуйте! – радостно сказал он. – А я тут вот еду, вижу – вы стоите. Дай, думаю, подвезу по старой памяти...

– Ой, спасибо, – задохнулась Алина. – Меня еще можно узнать?

– Еще можно, – вежливо ответил водитель и рванул по кольцу вперед.

– Мне всего-то на Тверской бульвар... к памятнику Пушкину, – быстренько выдумала Алина.

– Пробьемся, – пообещал он, подстраиваясь к развороту на Новинском бульваре.

И уже через десять секунд машина крепко застряла в потоке. «У нас суббота, – удивилась Алина, – откуда столько? Ну да на все судьба».

Разговор в машине, в бесперспективной пробке на подступах к Новому Арбату. Сумерки перешли в подсвеченный мрак; водитель спокойно закуривает, усугубляя туманность, и почти мечтательно говорит:

– Представляете, Алина, что будет в Москве, когда люди прикупят еще машин!..

– Пробок будет еще больше, – предполагает она.

– Будет сплошная пробка и невозможно ездить...

– Как в Париже!.. И все уйдут в метро, где быстро, сухо и тепло! – догадывается она.

– Не все могут вернуться в метро после хороших машин, – возражает водитель, поглядывая в окно, за которым столпились как раз названные, хорошие.

– Значит, будет развиваться частная авиация, – говорит она.

– ...и космонавтика, – без тени улыбки добавляет он.

Смеются до слез, представляя себе этот внезапный отрыв от московской земли группы частных космонавтов. Космодромчик в Кремле, или на ипподроме и казино (выиграл – и улетел), или вообще в каждой дворовой песочнице.

– А что? – невозмутимо продолжает водитель. – Это старая кавээновская шутка: «Почему в советские времена было столько желающих в космонавты? Потому что это был единственный способ вырваться из страны...»

Выбравшись из пробки через пять минут – повезло! – они молчат и курят; он внимательно следит за прекрасными машинами в потоке, Алина – за своим воображением, которое уже погрузило одних москвичей в межзвездные корабли, а других необратимо вернуло в теплое метро.

Умница водитель довез ее до Пушкинской площади, очень аккуратно обойдя все ненужные улицы, и на прощание сказал, что был очень рад. Она горячо поблагодарила, незаметно выщелкнув таблетку валидола из хрусткой планшетки в кармане куртки.

Алина пошла здороваться с Пушкиным. Обошла памятник три раза, будто впервые видя его. И вдруг – о высшее образование! о наблюдательность! – действительно *впервые* заметила, что у Пушкина в отведенной за спину руке – шляпа!!!

«Да-а-а, – долго удивлялась себе дама с высшим литературным образованием, получившая оное в двухстах метрах от этого самого памятника, – и не заметить этой шляпы!.. Да-а! И чему меня только в школе учили...»

Бывают же открытия! Изумляясь собственному невежеству, Алина подошла поближе к шляпе.

Огляделась. Редкие прохожие. Несколько одиноких влюбленных с цветами и в ожидании. Несколько – без цветов. Никто никого не замечает.

Алина попыталась принять точь-в-точь пушкинскую позу, ощутить постамент под ногами, отвела назад руку с пушкинской шляпой, чуть наклонила голову – и неопишимо, сверхъестественно почувствовала, что следующее движение фигуры, не будь она бронзовой, было бы: медленно вывести руку со шляпой из-за спины, протянуть в толпу, как за подачей, а потом – швырнуть далеко-далеко через всю улицу! И чтобы никто из узревших протянутую шляпу ни на секунду не подумал, что она действительно была – мимолетно – протянута за милостыней...

Алина выбросила руку вперед – точно! Шляпу – через толпу! Через улицу! Прочь проклятую шляпу, чтобы – вечно непокрытая голова, даже при дамах, будь *оне* неладны.

– Мадам, – раздался громкий голос за спиной у Алины, – вы осваиваете ментальные городки? боулинг? Вы дискобол... дискоболка?

– Добрый вечер, профессор, – не оборачиваясь, сказала Алина. – Что-то вас действительно давно не видать, не слышать...

– А я думал, вы в поте лица своего и так далее, а вы тут гуляете, гимнастикой занимаетесь. Не самое подходящее место для шляпного спорта, очень уж загазованно, скажу я вам. – Профессор аккуратно взял Алину под руку, и они пошли в метро.

Алина послушно спустилась в переход, послушно позволила профессору оплатить ее проезд, проводить до вагона и помахала ручкой на прощание, когда двери захлопнулись.

«Вот старый хрыч, вот зануда, штирлиц хренов... – привычно костерила Алина профессора, но удивляться уже перестала. – В каком же месте у него все эти радары?»

И почти услышала ответ: «Работать надо, дорогая. Я экономлю ваши деньги, свое время и слезы читателей!»

Следующим утром Алина начала последовательно раздваиваться. На первое – файл «Отдать профессору». На второе – «Показать Анне». На десерт она выбрала – ежедневно гулять по городу.

Жгучая страсть к буквам оказалась сильнее страха смерти.

Поймите меня неправильно!

– Доброе утро, профессор! – Веселая и даже румяная Алина впорхнула в кабинет.

– Опять чего-нибудь наврали? – вежливо предположил профессор. – Смотрите, денежки счет любят! – И он погрозил ей пальчиком.

– Вы, как всегда, зрите в корень. Вот вам тут и про эротику, и про деньги. А что герой несколько неожиданный, так вы ж сами разрешили нести вам что попало.

Профессор, необычно радушный сегодня, резво встал, пожал Алине руку, широко указал на кресло у камина и занялся чтением.

Алина занялась разглядыванием его головы. Нос ровный, длинноватый, с широкой переносицей. Каштановые усы сплошной полосой между верхней губой и носом. Большой лоб, от высокого края которого, как от чистого дикого берега, уходит вдаль волнами отлива пушистая седина. Гладкие щеки, строгий, без углов подбородок. Чуть мятая, но еще вполне – шея. Хорошая статность, без излишнего лоска. В прошлом веке о подобном лице без обиняков могли бы сказать – *bel homme*.

– Вы правы, именно «красавец мужчина» мне всю жизнь и приклеивают, – не отрываясь от бумаг, кивнул профессор.

Алина промолчала: к его телепатии она не только привыкла, а даже приспособилась, почувствовав особые удобства. Можно меньше говорить.

– Можете вообще молчать, – подтвердил профессор, с интересом читая текст.

СЧАСТЛИВЫЙ РОБИНЗОН

«Если бы я был министром, я постарался бы по возможности знать, что каждый говорит обо мне».

Автор этого соображения, сын мясника, не мог стать министром и не стал им. Это было невозможно в Англии в восемнадцатом веке, впрочем, как и в современной, для представителя его сословия. Поэтому ему пришлось, выйдя из сослагательного наклонения, то есть отбросив всяческие «если бы», весьма лихо реализовать идею *по возможности*.

Во-первых, ему удалось узнать, что каждый говорит о нем самом.

Во-вторых, ему удалось помочь в расширении пределов осведомленности и тому министру, в письме к которому от 2 ноября 1704 года содержится та фраза.

Для пункта первого – пришлось стать великим писателем, автором бессмертного романа «Робинзон Крузо». Для пункта второго – создать английскую секретную службу».

(Окончание в Приложении 2)

– Умница, деточка, исправляетесь потихоньку. – Профессор спрятал бумаги в сейф. – Счастливый бомж! И никакого прошлого! В смысле вашего. Отлично.

– А почему опять в сейф? – с плохо скрытой тревогой спросила Алина.

– А потому что все опять враки, халтура, отписка. Вы делаете вид, что работаете, а на самом деле профессионально морочите сами себе голову. Никакая журналистика, даже очень миленькая, не вывезет вас на литературу. И еще: мне кажется, что двухнедельный разрыв между нашими встречами – великоват. Сокращаем до недели. И, будьте любезны, *nulla dies sine linea*...²

² *Nulla dies sine linea* – Ни дня без черточки (штриха) (лат.). – Выражение Плиния Старшего (23–79), трактат «Естественная история», о работе художника Апеллеса (356–308).

- Я пишу каждый день.
- Полную дребедень, – резюмировал профессор и выписал счет.

Судьбоносная ворона

«Дорогая Анна! Твой протеже сократил паузы – теперь он повелел мне являться к нему еженедельно. Это пока выше моих сил. Он душит меня, ругает, всячески выбивает из седла.

Нельзя сказать, что я забросала его шедеврами, а он несправедливо гонит талант в шею и берет за это деньги. Наверное, мы пока не нашли общего языка. И не похоже, что найдем быстро. Ну да я именно на это вроде бы и подписывалась – на мучения. Я сама просила его избавить меня от страха. Он, видимо, и избавляет, как ему кажется, но – удары жесткие. Плюс это его перманентное ясновидение. Контроль за каждым моим движением, каждой мыслью. Однажды он даже поймал меня на площади, где я прогуливалась и воображала себя Пушкиным. Взял под руку и молча отвел в метро – вообще без комментариев. Дескать, что уж тут скажешь! Ну совсем плохая...

И даже не спрашивает, что же довело меня, женщину всегда самоуверенную и довольно-таки веселую, до такой жизни: ни с людьми общаться не могу, ни книжек писать, ни в любовь какую-нибудь не встречаю... Помнишь, он даже давал мне домашнее задание – написать какую-нибудь сексуальную сцену. Любую, но без прошлого. Без документалистики.

Знаешь, что у меня получилось бы, начни я писать таковую сцену?

Примерно так.

Встретились, скажем, мужчина и женщина. У него возникла эрекция, у нее – любрикация. Затем перешли к пенитрации. После ряда фрикций у него наступила эякуляция. Она сказала ему, что все было очень мило и она тоже не внакладе. Финита ля комедия.

По-моему, блеск. Брызги шампанского. Эротика экстра-класса!

Ложиться своими костями под мой паровоз он, разумеется, не собирается – то есть между нами никаких романов не будет. Он ясно дал понять, что *за его счет* я не выкарабкаюсь. А только за свой. Это без вариантов. А *мой счет* тает, и не в деньгах дело.

Словом, дела обстоят столь тревожно, что слава Богу – ты разрешила мне писать тебе. Может быть, это выход.

Надо, видимо, рассказать тебе всю историю последних лет, включая беды и приключения, – чтобы ты простила мне всю эту немощь.

Ты прекрасная балерина. Ты ангельски красиво танцуешь. Здоровые, целые ноги. Тобой восхищаются. Ты новобрачная жена. У тебя новый дом. То есть у тебя все другое, не такое, как у меня. Тебе сейчас легче пережить и чужие беды, и чужие радости. Ты защищена. Ну что ж, слушай.

... Что злоумыслила сия тучная ворона, бросившаяся с парашюта в серые холодные воды Москва-реки? Вообразила себя чайкой легкокрылой?

Я шла по набережной, вокруг меня шел дождь, тучи шли прямо по-над Крымским мостом. Погода для суицида. Может, ворона утопилась?

Новые сапоги – всегда денек-другой как испанские, поэтому я не отважилась подойти к воде поближе и проследить судьбу толстой решительной вороны, хотя следовало бы: она любопытный персонаж, а я пишу книги. Отожравшиеся на нью-московских помойках вороны почти не летают. Ковыляют лениво, как бы нехотя. Да и с голубями что-то случилось.

Сапоги мои не хотели идти к реке. Им следовало немедленно домой, расстегнуться, отделаться от меня – и в уголок. Остыть. Они очень хорошие, эти высоченные саламандеровские изделия. Только вот ноги у меня своеобразные. Обувь на меня не шьют нигде в мире. Ни одна пара башмаков

еще ни разу не пришлось сразу, с магазина. На каждый случай переобувания в новое я заранее зажимаюсь – на недельку. Потом боль проходит, я врастаю, обувь смиряется, и жизнь продолжается. Сказанное относится даже к кроссовкам.

Тротуар был безлюден, как пустыня под белым солнцем. Но эта пустыня была серая, мокрая и, кстати, декабрьская. А шуба была пушистая и теплая. Двигалась я медленно, с легким ужасом ожидая встречи с метро: в подземелье мне станет жарко, а этого я боюсь чрезвычайно.

На повороте к светофору я увидела красивого бородатого господина с грустными глазами, в очень серьезной дубленке. Господин увидел меня, за пять метров замедлил шаг, посторонился и проводил глазами – не более десяти сантиметров моего хода, но как! Так пропускают даму в узкую дверь лифта, вежливо, со сдержанным, но тайно восторженным пиететом. Ведь дама. Да еще какая!

Я поблагодарила его ресницами и прошествовала куда и шествовала. Внезапное беспричинное счастье охватило все мое измученное мокрой улицей существо, и я почему-то посмотрела вверх. Глаза натолкнулись на громадную багровую вывеску: «Интим. Коллекция».

Честное слово, я еле удержалась, чтоб не кинуться назад, к бородатому господину, с призывом разделить мой восторг от столкновения со всем этим: река, суицидная ворона, сапоги, рекламная вывеска... Но удержалась, конечно. Лифт ушел.

У меня всегда так бывает. Ни разу эта примета не подводила. Как встречу где-нибудь случайного бородатого господина – пиши пропало. Начинаю сочинять высокохудожественную прозу. Явление труднообъяснимое, но, очевидно, моя муза, или мой муз, так запрограммировано.

Делать нечего, никуда не денешься. Судьба.

Любая судьба требовательна, как старая барыня. Уж если ей вздумается грибочков соленых или огурчиков хрустящих...

Недели две ломала меня барыня. Торчала изо всех мест, в зубы била, за косы таскала. «Чего ты хочешь?» – кричала я ей, злобно выпивая третью бутылку вина.

Барыня злобно молчала в ответ, терпеливо дожидаясь такого похмелья, чтоб я сдалась, прекратила пьянство и села за письменный стол. «Ах так! – отвратительно продолжала я. – Лучше уж нового любовника заведу, только не *это!*»

«Сколько угодно», – иезуитски ласково отвечала барыня и буквально за ручку приводила вышеназванного – нового, трогательно отсылая старого в очень дальнюю командировку.

И я сдалась, хотя рыдала перед этим жутко. Потом сходила с подругой на прекрасный концерт симфонической музыки, поела на ночь блинов с яблоками, немного поспала, – и вот. Пошло-поехало...»

(Окончание в Приложении 3)

Доктор начинает сердиться

Профессор Василий Моисеевич Неведров сидел у камина в своем богатом кабинете с дубовыми панелями и прислушивался к тишине. Через пять минут должна прийти Алина, однако твердой уверенности в ее появлении сегодня у профессора не было.

Во-первых, она ни разу не позвонила. Во-вторых, он сам внезапно перестал чувствовать ее в пространстве, что тревожило его гораздо сильнее, чем первое. Тревожило так сильно, что профессор, обычно тренированно-бесстрастный даже наедине с собой, сейчас покусывал губы и даже почесывал длинный нос.

Как ей удалось отстегнуть энергетический поводок, крепко наброшенный профессором в первую же встречу, – было непонятно. Это вообще немыслимо. Это пахнет катастрофой и ведет к панике.

Закончились пять минут. Потом еще десять. Профессор взмок, встал и перешел за письменный стол. Ему сразу стало холодно. Потерпев минуту-другую, он пошел в смежную комнату переодеваться. Сняв пиджак, он с негодованием и брезгливостью обнаружил, что новая белая рубашка почти вся мокрая. Он выбросил ее в мусорную корзину.

Надел другую новую рубашку, синюю, повязал другой галстук и вернулся в кабинет. Накаминные часы безжалостно ударили один раз. Половина первого. Алина опаздывает уже на полчаса. Чересчур.

Стиснув зубы, он набрал ее мобильный номер. «Абонент не отвечает или находится вне...»

Профессор набрал домашний номер Алины. Автоответчик вежливо предложил оставить сообщение до лучших времен.

Профессор вспомнил об обстоятельствах непреодолимой силы, позволяющих клиентке невыполнение контракта, и включил радио. Может быть, он случайно пропустил революцию? Или землетрясение?

Однако новости дня были на редкость благоприятными. За тысячу километров от клиники Неведрова пойманы всего два террориста, да и те лишь при подготовке ко взрыву. Это было самое горячее событие с утра. Даже погоду обещали вполне удобоваримую. Ни одного наводнения.

«Осталось пойти на кухню и погадать на кофейной гуще!..» Профессор злился, чертыхался, но ни одна из тонких струн его волшебного природного устройства не подсказывала ему ничего. Рабочее ясновидение выключилось. Как не было. Превосходная, первоклассная борзая стала бесчутой.

Для человека с любыми развитыми способностями горестна и даже страшна утрата оных. Но для практикующего врача, психиатра-телепата, мага, коим считал себя профессор, – это хуже смерти, причем значительно хуже.

Близкий к отчаянию, профессор машинально подошел к окну и посмотрел на сияющую солнечную улицу. И увидел Алину, спокойно гуляющую вдоль корпуса его клиники с папкой под мышкой и сумочкой через плечо. Остолбенев, он оглянулся на часы: да, двенадцать сорок пять, так в чем дело?

Идти за нею на улицу и учить пользоваться часами? Позвать из окна? Сделать вид, что ничего не произошло? Еще раз набрать мобильный номер – вдруг не туда попал и не тот абонент был вне досягаемости?

Профессор сел, закрыл глаза, положил руки ладонями вверх на колени и попытался *отмедитировать*, как он учено выражался, ситуацию. Хренушки! Словомешалка не оставливается. Информация не проходит. Мозг будто торфяной.

Вскочил, опять бросился к окну. «Интересно, как же она меня вырубил? – неизящно подумал он, разглядывая через тонированное стекло ее новый плащ темно-песочного тона с замшевыми манжетами и воротничком-стойкой. – Шмотки покупает, негодяйка. Жить собирается? Вечно?»

Ровно в час дня Алина вплыла в его кабинет и начала медленно расстегивать свой красивый плащ, не замечая некрасивых молний, посыпавшихся из очей профессора.

– Добрый день! – мурлыкнула она и протянула папку. И присела к камину, явно устраниваясь с удобствами, будто надолго пришла.

– Добрый, – хрипловато ответил профессор, не успевший выбрать линию поведения. – Как поживаете?

– Неплохо. Даже хорошо, – задумчиво ответила Алина, словно припоминая – как же она поживает-то.

– Что здесь? – Он взглянул на папку, будто на корзинку с коброй.

– Буквы черного цвета, ровно построенные рядами на белых бумажных листах.

Доктору пришлось расстегнуть папку, и даже вопрос «Почему вы явились ровно на час позже назначенного?» не сорвался с его уст. Он никак не мог успокоиться.

– Это что – заметка в районную газетку? – осведомился он, взглянув на заголовок.

– Это вам лично, доктор, – ласково сказала Алина. – Я написала кое-что про своего любимого человека. Ничего, что он старше меня почти на две тысячи лет. Вы же должны знать всю мою подноготную, не так ли?

– Очень мне нужна ваша подноготная... поджелудочная... подъязычная... – бурчал профессор, злясь на себя и не видя выхода из редчайше щекотливого положения, а именно: в близком присутствии Алины его телепатические способности тоже не возвращались. – Я же запретил вам писать о вашем прошлом!

Алина все так же ласково, чуть ли не с материнской заботой в ангельском голосе ответила:

– Ну что вы, иная подноготная как раз нужна. В нашем контракте я обнаружила один стратегический пункт: взаимное доверие, полная искренность на весь период действия документа. Проникновение в личность, о которой я повествую в этой, как вы изволили выразиться, заметке, стратегически важно для выполнения мною и вами этого *искреннего* пункта.

– Вы говорите на квазиканцелярите – чтобы что? С какой целью? Вы надеетесь напугать меня? Чем же? Неужели своим грандиозным умом? Или, так сказать, талантом? – Профессор с трудом сдерживался, чтобы не закричать на клиентку.

– Вас нельзя напугать ни умом, ни талантом. Напоминаю, что это вы, наоборот, должны – по контракту – избавить меня от страхов. Помните? А то, знаете, денежки счет любят, – усмехнулась она.

– Вот именно, не забывайте об этом, – попытался отбиться профессор и начал читать.

«ЮБИЛЯРУ ЛЮБВИ – 1875 ЛЕТ

В те дни, когда в садах Лицея

Я безмятежно расцветал,

Читал охотно Апулея,

А Цицерона не читал,

В те дни в таинственных долинах,

Весной, при кликах лебединых,

Близ вод, сиявших в тишине,

Являться Муза стала мне.

А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Глава восьмая

Эти строки из «Евгения Онегина» настолько на слуху, они такие родные, что мы особо и не вникаем. В дни празднования пушкинского двухсотлетия почти никто не вспомнил, что поэт сам во всем признался – в смысле как все начиналось. «Являться Муза стала мне...» – по-моему, это важное личное сообщение.

Солнце русской поэзии в садах Лицея начиталось Апулея. Очевидно, его проходили по курсу наук. Интересно, как именно преподавался древний философ и чародей юным русским дворянам?»

(Окончание в Приложении 4)

– О, да вы интересовались магией, дорогая? – с ехидцей спросил профессор.

– Магами, если точнее. Знаете, иногда очень хочется *преступить*...

– Зачем? – задал он дурацкий вопрос.

– Дурацкий вопрос, – ответила Алина.

Тут уж профессор не вытерпел. Выпрыгнув из рабочего кресла, он кинулся к пылающему камину и швырнул заметку в огонь. Алина с любопытством проследила путь приговоренных бумаг, достала из сумочки второй экземпляр заметки, точь-в-точь как первый, – и повторила жест профессора. Теперь огонь облизывал два экземпляра «Юбиляра любви», не причиняя бумажкам никакого ущерба.

Прекрасная волнистая седина доктора Неведрова выпрямилась.

– Вы не понимаете, что делаете! Те самые *бессмертные боги*, о которых вы рассуждаете с действительно ослиным упрямством, суть *демоны*. Пишутся с маленькой буквы, поскольку во множественном числе. Вы язычница? Вам какая помощь-то нужна? Вы провокатор или идиотка?

– Вы кричите? – удивилась Алина, безмятежно застегивая сумочку.

– Да вас отлупить следует, а не только кричать. Вы себе лично роете яму. Да забудьте вы вообще все свое прошлое – и книги, и людей! Вы сейчас должны писать нечто хрустальное, изящное, шелковое, как японский платок. Но при этом русское и христианское.

Профессор резко сел.

– Шелковое не может быть хрустальным и наоборот, – откликнулась Алина. – А русское христианское – это православное, а на духовную литературу меня никто не благословлял, и вы лично – мне лично – врач, а не духовник. И вообще у меня своеобразные отношения с Богом, в которые мне никак не хотелось бы впутывать вас...

– Уже впутали, не беспокойтесь. Во все, во что могли, – уже впутали.

– Я очень постараюсь выпутаться, – пообещала Алина.

– Не получится, – пообещал ей профессор и выписал счет.

Контракт должен быть нарушен

«Дорогая Анна, как я рада! Дела пошли все лучше и быстрее. Я оторвала профессорский жгут, и теперь наш добрый доктор мечется как безумный. Потерял меня, бедняга, из, так сказать, *ясновиду*! Все это – благодаря тебе. Как только я начала рассказывать тебе ту самую историю, которую не хочет читать он, все-все сдвинулось. Я даже купила новую сумочку и плащ – а ведь три года не бывала в тряпичных магазинах! Все донашивала старье, боялась одеваться в красивое, чуть не с жизнью прощалась. Да не чуть, а вполне прощалась. Ты – даже если не дочитаешь мои бредни до конца, – ты уже сделала для меня две величайшие вещи: толкнула к доктору Неведрову, откуда меня отрикошетило к тебе же, – и разрешила написать все-все тебе втайне от него, колдуна доморощенного... Как много подарков! Как это прекрасно! Как я рада, что ты есть!

Не подумай, что я плохо выполняю контракт. Я и за последнюю встречу заплатила ему, несмотря на его... хм... неконтрактное поведение. Представляешь, он кинул в горящий камин мое эссе про Апулея. И все из-за того, что Апулей был маг! Вот какая профессиональная ревность. Даже на расстоянии почти двадцати веков! Потрясающе, правда? А заодно просветил меня, что язычество – это такая бяка, такая бяка!

Профессорова ревность к древнему философу похожа на состязательность, захватывающую великих путешественников, покорителей заоблачных вершин, пересекателей океанов. Они соревнуются не с современниками, хотя такое тоже бывает, конечно. Они держат в памяти всех, кто шел на штурм недоступных органов Земли двадцать, пятьдесят, сто и так далее лет назад. И не важно, откуда стартовал покойный соперник. Планета остается бугристой, местами очень жаркой, местами жутко холодной? Остается. Вперед! «Отдайся мне, Земля!» – предлагает один. «Нет, мне!» – возражает другой. И – пошло-поехало. Мужские забавы. Робинзонада.

Теперь я поняла, почему профессор Неведров так взъелся на моего «Счастливого Робинзона». Он почувствовал приближение «Юбиляра любви». Наш добрый доктор очень быстро и точно понимает намеки.

Запретив мне выписывать мои прошлые боли, он забыл запретить мне описывать его лично. Да я и не собиралась, но он сам, получается, подставился. Ведь он мужчина. А я, видя мужчину, рефлекторно берусь вчувствоваться в его образ. Это моя суть. Эти создания мне интересны. Тем более если я обязалась ему *платить за общение с ним*!

Словом, он мне грубит, и я считаю его миссию выполненной. Я не могу лечиться у врача, который так ослаб на работе, что швыряется рукописями в камин.

Извини, дорогая Анна, за очень некорректный вопрос: твои финансовые отношения с ним закончены? Формально – я знаю – он выполнил свои обещания: ты вновь на сцене, ноги в порядке, ты вышла замуж и прочее. Все отлично. Это – все? Или?..»

Сыр за мышеловку не отвечает

Хорошая балерина, Анна была и другом хорошим.

Получив записку Алины, она подумала-подумала и решилась.

Телефонный звонок.

– Алина, привет, буду лаконична: не закончены.

– Проценты?

– Да, – вздохнула Анна.

– Навсегда?!

– Да...

– Даже если он...

– Тогда по наследству – его жене, детям, внукам.

– Понятно. И механизм продуман так, что...

– ...не вырваться. Очень все грамотно.

– Мой контракт – тоже?

– Разумеется. Почитай еще раз, повнимательнее. В тех параграфах, где у тебя глаза устанут от терминов и ты естественно пропустишь тягомотные строки, вот там и зарыты все собаки. Василий Моисеевич – очень умный господин, а уж его коллеги-юристы – просто безупречны по крючкотворной части. Все они – тоже его клиенты. Сами на себе удавку и затянули. Каждый бывал в кризисе, каждому наш доктор помог взлететь. Никто никогда в жизни в этом никому не признается. Если бы наш доктор был простым психоаналитиком – никаких проблем не было бы. Поговорили, заплатили, разошлись. Но поскольку он – фигура синтетическая, безмерная, многоплановая и могучая, то... словом, удав. Но эффективный.

– А ты, когда давала мне его телефон, знала все это? Ты знала, что он и меня захочет проглотить? – любопытствовала Алина.

– Догадывалась. Знала. Но ты была именно в таком плохом состоянии, в котором за работу только Василий Моисеевич и берется. Когда ни медицина, ни друзья, ни личная воля уже не могут ничем помочь.

– Это было очень некрасиво? – спросила Алина, пытаясь представить себе ощущения Анны.

– Ты, милая, была живой труп. Чудом живой, случайно живой – называй как угодно. Ты опустила даже внешне, потолстела, лицо серое, косметика забыта, одежда – что под руку попало. Я тогда старалась при встрече с тобой смотреть, например, на твое ухо – его трудно испортить страданиями. Ухо было в порядке. Я и смотрела только на него, чтобы случайно не посмотреть тебе в глаза или не заметить дрожащих рук.

– Спасибо, Аннушка. Ты правильно сделала. Но это не последнее, что нам всем осталось, – загадочно пообещала Алина.

– Боже мой, Алина, ты хочешь с ним бороться? – с грустной иронией воскликнула Анна.

– Знаешь разницу между выигрышем и победой? – вопросом ответила Алина.

– Ну, наверное, если подумать...

– Вот и подумай. Целую. Пока. Пошла писать тебе спецотчет.

Повесив трубки, подруги расселись по диванам – каждая в своем доме, закрыли глаза и стали смотреть. Невесть откуда прилетели образы, видения, воспоминания. Почему именно сейчас? А так, просто так.

Образы

Большая черепаха. Твердый овальный купол весь покрыт узорными вековыми колдобинками черепашого жития.

Она встает на задние лапы, трогательно показывая ровное песочно-зеленоватое брюшко, и начинает выбрасывать уйму беленьких беззащитных горошинок в ямку: у нее будут дети.

Отложив мокро-перламутровых детей в будущее, она вернулась на четыре лапы и пошла на запад.

«Алина, – говорит себе Алина, – где ты такое видела?»

«Во сне, – отвечает себе Алина. – Я сплю. Я восхищаюсь: даже очень беременная черепаха имеет плоский живот. У нее неизменно отрешенное выражение лица. Она не просит о помощи. И живет себе, живет...»

«Пока в суп не попадет», – завершает сентиментальный пассаж Алина.

«Хулиганка!..» – смеются переговаривающиеся стороны.

Видения, посетившие Анну, были, наоборот, из мира флоры.

Тяжелые цветы, которыми одарил ее жених перед венчанием, оттягивали руки, словно чугуны. Белизна восковых лепестков сияла, соперничая с чистыми окладами древних икон, и весь отраженный во всем вокруг свет лавинными потоками вливался в бескрайнюю душу невесты. Она не чувствовала ни счастья, ни любви, ни ног, ни рук.

Опустив утомленные сиянием мира глаза, невеста заметила, что стоит в третьей позиции. И едва удержалась, чтобы не расхохотаться.

Передавая чугунный букет подружке, она исправила положение стоп на непринужденно-человеческое. Балерина! В храме. Хорошо, что пора было отдавать букет, – и руки вздохнули, и ноги построились по-людски.

«Какие же это цветы?» – Целый час Анна не могла вспомнить их имя.

И когда батюшка обратился к ней с вопросом, согласна ли она взять жениха в мужья, Анна, измученная внезапной безымянностью любимых, очень знакомых цветов, случайно сказала: «Не помню...»

Слава Богу, это расслышали только жених и батюшка. А также, очевидно, и Господь Бог, потому что в сей же миг в голове подсказкой вспыхнуло: «Орхидея!»

– Да, да! – радостно сказала священнику Анна. – Согласна!

И добавила про себя: «Спасибо, Господи, что ты знаешь имена всех цветов...» И сама подивилась сказанному.

Личная тайна профессора

Как видите, сия пара подружек – дамы трепетные и немного странные. Профессор Неведров, затевая свою клинику, и мечтать в начале пути не мог, что на взлете карьеры ему будет так крупнокалиберно везти с клиентами.

Как говорится, шли годы. Профессор руководил своим здоровым коллективом: одна жена, два ассистента, бухгалтерия, санитарки, охрана, уборщицы.

И была еще неотразимая краса – секретарша. Вот кого он выбирал тщательнее, чем прочих. Вот кого искал он по всему свету, как царевич Елисей свою мертвую царевну – для благополучного оживления в счастливом финале. И это действительно была супернаходка.

Сейчас девушке было двадцать лет.

А двадцать лет назад ее, новорожденную, в пеленках без меток, ночью кто-то подбросил в захолустный деревенский дом.

Подагрическая, горбатая старуха с одним глазом, направляясь утром до ветру, споткнулась о беззвучный мягкий предмет. На крыльце что-то шевелилось, но наклониться бабуля не могла по техническим причинам. С трудом приподняв правую ногу, она легонько показала сверток туда-сюда, ничего не поняла и забеспокоилась.

В рассуждении – что делать с неизвестным нелетающим объектом – старуха взяла скалку и трижды стукнула в живот громадной латунной сковородке, подвешенной над ее крыльцом.

Это была отлаженная местная телесистема. В деревне оставалось три обитаемых дома: старухин, еще старухин – другой, и один дедов. В острых случаях соседи били в свои, так сказать, гонги. Что там ноги бить – по гостям ходить. Один *бумс* – я жив, жива, доброе утро! Два *бумса*: есть продовольственные проблемы! Три *бумса*: срочно требуется встреча!

Каждый из троих поселян был почти в мафусаиловом возрасте, отчего заподозрить их в грехе детопроизводства с тяжкими последствиями было бы очень смело.

На сходке, состоявшейся незамедлительно – три бумса! – объект был идентифицирован как грудной младенец женского пола неизвестного роду-племени. На свет и звуки дитя не реагировало, а плакало или бесшумно, или страшно-утробно. Старики не сразу, но поняли ситуацию – и заплакали в голос. Каждый о своем, стариковском.

На их счастье, в деревне была разрешена купля-продажа брошенных домов. Так уж получилось, что именно в тот день явились покупатели: красивый щеголеватый мужчина с мягкими волнистыми волосами и весьма заметной цепочкой на карманных часах, а с ним – тихая, молчаливая женщина в роговых очках, без косметики, с очень аккуратными бледными ногтями. Выбирая дом покрепче, молодой мужчина на блестящей синей «Волге» остановился у дома горбатой старушки в самый разгар собрания.

Потолковав о внезапной проблеме, он сделал поселянам крайне внезапное, немыслимое предложение: ребенок остается в этой деревне. Жить будет в том доме, который он, пришелец, сейчас выберет и купит. Дитя останется под присмотром опытной сиделки, которую он завтра же пришлет сюда на жительство. Не возражают ли почтенные аборигены против чего-нибудь в таковом раскладе? Соседство устраивает?

Изумленные до крайности аборигены немедленно согласились на расширение их деревенского контингента, весьма ограниченного жизнью. По настоятельной просьбе странно чадолюбивого покупателя, они тут же поклялись во всем содействовать сиделке и младенцу, а также хранить эту тайну до гробовой доски – то есть не очень долго, если принять во внимание ряд объективных обстоятельств.

В последнем – в обстоятельстве возраста – покупатель несколько ошибся, что выяснилось, конечно, не сразу. Как минимум лет по десять – двенадцать дубленые старики еще прожили в этой деревне, видимо, воодушевленные и внезапностью счастливого события, и крайней молодостью героини оногo.

Словом, девочка росла в деревне под постоянным присмотром сиделки интеллигентного вида и неусыпным любознательным вниманием двух старух и одного старика. Всю тяготину обыденности как сдуло.

Сиделкой оказалась та самая женщина без косметики, которая приезжала вместе с красавцем мужчиной в первый, исторический день. Она покорно приняла на себя оригинальную ношу: выхаживать чужого слепоглухонемого ребенка, в медвежьем углу, в обществе троих мафусаилов, в отсутствие цивилизации.

Один раз в неделю красавец с золотой часовой цепочкой приезжал в деревню, заполнял продуктами им же привезенные холодильники – в том числе стариковские, – выслушивал тихий отчет сиделки о событиях минувшей недели (такой тихий, что старикам ни разу не удалось подслушать, как ни старались; обхитрить этого господина было невозможно), потом сам кормил девочку с ложечки, а затем удалялся в специальную комнату на втором этаже дома – и запирался на засов.

Через два-три часа он спускался со спящей девочкой на руках, вручал ее сиделке и уезжал. И так несколько лет подряд.

Первые чудеса начались года через два. Однажды он и сиделка гуляли с младенцем по пустынным деревенским улицам. Девочка уже уверенно ходила, держась за палец взрослого. Мафусаилы радостно насторожились: идут!

Солнце было жаркое, майская природа цвела и сияла, птички, речка – все как надо. Райское место была эта недовымершая деревушка – особенно с тех пор, как новый поселенец взял моду регулярно привозить с собой бригаду добрых молодцев. Ребятки быстро привели местность в товарный вид: пруды были вычищены, фасады небезнадежных домов подновлены, улицы укреплены где щебнем, где асфальтом, а на речном берегу появилась очаровательная, как будто старинная, пристань и маленький песочный пляжик. И если бы старики проявили чуть больше любопытства, то за километр от географического центра деревни они обнаружили бы колышки с колючей проволокой, уверенно окольцевавшей округу. Но так далеко старички не заходили. По техническим и объективным обстоятельствам.

В тот сияющий день, когда старики рассматривали гуляющих, а умеющие говорить гуляющие негромко обсуждали свои дела, девочка, лишенная всех этих возможностей, ровно шла с ними рядом, не мельтеша и не пытаясь привлечь к себе чьего-либо внимания. Она, понятно, не знала, что капризы – это мощное и обычное оружие всех детей и женщин, – что и ей оно дано тоже. Во многих смыслах это был идеально удобный ребенок.

У обочины покачивались крупные ромашки. Мужчина наклонился, *сорвал один цветок и подарил его женщине*. Принимая подарок, женщина на секунду выпустила ручку ребенка. Мужчина приобнял женщину за плечи и поцеловал в щеку. Старики с блаженством наблюдали сцену. В это мгновение девочка, оставленная без присмотра, вдруг сделала шаг в сторону обочины и присела, повернув лицо к ромашкам. Вся публика замерла.

Девочка протянула руку и уверенно вцепилась в стебель ближайшей ромашки. И дернула. И плюхнулась на спину – с цветком в руке. Живо перевернувшись, она встала – и точно таким жестом *подарила* свою добычу мужчине, *глядя* на женщину!

Немая сцена. Старики, не стесняясь быть замеченными, принялись креститься, а мужчина, опомнившийся первым, очень аккуратно взял девочку на руки. Цветок передал женщине. В ответ девочка потянулась к женщине, выхватила ромашку из ее рук – и вернула мужчине.

«Господи! Чудо! – залопотали старики. – Что же такое? Да святится имя Твое...»

Казалось, что менее всех потрясена сиделка. Она лишь поправила очки, словно вспомнила, что дети очень любят хватать очки – если оказываются на достаточном расстоянии. Она без особого экстаза, быстро и прагматично восприняла новейшее и чудеснейшее обстоятельство: дитя прозрело! Для сиделки это означало удешевление бдительности и пересмотр деталей интерьера в комнате девочки.

Как ни были впечатлены старики, они успели смекнуть, что все предварительные преобразования, осуществленные красивым мужчиной в их деревне, направлялись именно к этому моменту: когда девочка научится видеть, она должна обнаружить мир прекрасным. Значит, он – надеялся. Или, может, он даже точно знал, что зрение откроется?.. Кто же он?

И лишь одного никогда не узнали старики: к девочке вернулось не физическое зрение. Дитя научилось абсолютно ясно видеть все – мозгом. Без посредничества своих прекрасных зеленых глаз.

Не меньшее потрясение пережили старики еще года через три, когда прогуливались – и застали девочку на берегу речки одну, за странным занятием: тщательно ощупав большую пластмассовую букву, она повторяла ее контуры пальчиком на песке. Потом перепроверяла себя, еще раз ощупывая букву, и вычерчивала ее на песке – уже другой рукой. Старики подивились трем обстоятельствам: ощупыванию, равноумелому владению руками и спокойному одиночеству ребенка на пустынном берегу. Объяснить себе всего этого не сумели и отправились восвояси.

Надо заметить, что их собственное здоровье за эти годы почему-то укрепилось, меньше ныли суставы, нормализовалось давление, а подагрическая горбунья – та, что обнаружила подкидыша на своем крыльце, – научилась довольно проворно двигать ногами и шеей.

Гуманитарную помощь в их деревню подвозили все те же добры молодцы, что ухаживали за райской окрестностью, похорошевшими домами, их уютными садами и богатыми огородами. Овощи-фрукты росли весело и изобильно, хватало на всю колонию плюс на добрых молодцев, причем, очевидно, вместе с их городскими семьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.